Чародеи на практике

Автор:
Елизавета Шумская

Чародеи на практике

Елизавета Шумская

Записки маленькой ведьмы #4

Что должны делать все нормальные студенты на практике? Правильно – бездельничать. Не учиться же, право слово! Однако юные чародеи Земли не тот народ, чтобы спокойно усидеть на месте. Вот и понесло их древние проклятия снимать и оборотней по лесам отлавливать. Да только на то они и маги, чтобы все у них не так, как у нормальных людей, а как-то… по-особенному. И перевертыши неправильные, и проклятия неснимаемые, зато весело и потом уж точно будет что вспомнить.

Елизавета Шумская

Чародеи на практике

Часть первая

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БЭРРИНОВ

Не на золоте полей, чья трава густа.

Ни у моря, где на скалах сверкает соль,

А у вражеского рва, на краю моста

Наконец нашел тебя я, о мой король.

Из десятков тысяч лиц, через сотни лет,

Я узнал тебя, король, сквозь печати бед

По сиянию волос, где застыл рассвет.

Я узнал – и на уста наложил запрет.

Лариса Бочарова. Шансон де Жест

Что такое Зимние праздники?

Это самое ужасное, что может произойти с человеком. Даже если он… тролль, гаргулья или эльф. А почему? Потому что веселиться столько дней и ночей, да так бурно, просто невозможно.

Эту истину испытала на себе и лучшая пятерка факультета Земли Стонхэрмского Магического Университета знахарка Ива, Златко Бэррин, тролль Грым, гаргулья Дэй и Светлый эльф Калли. Ведь сие стихийное бедствие застало их в родовом замке одного из них, а именно Златко Бэррина по прозвищу Синекрылый. А в его землях привыкли гулять с размахом.

Вот уже вторую неделю в замке непрерывно продолжались пиры. Стучали в плясках сапоги и сапожки, дрожали высокие своды от полупьяных песен, а округа оглашалась радостными воплями, когда хозяйские дети с друзьями выбирались на воздух освежиться, чтобы потом снова погрузиться в бесконечное торжество. Как положено по традиции, там были и еловые ветки с шариками и шишками, и омела, под которой надо было обязательно целоваться, и мишура, раскиданная повсюду, и подарки, и поездки в город на ярмарку, и представления, и хороводы, и ночные бдения с гаданиями, и какие-то все новые и новые сюрпризы.

Особой популярностью среди молодежи пользовались гонки на тройках. Вот уж потеха так потеха. Бубенчики звенят, девушки хохочут, мороз щеки щиплет, кони несутся по искрящейся, залитой солнцем белой равнине. Мм… Кровь так и бурлит! А если еще и обогнать соперников удается!..

Ну а после санной прогулки можно еще всей гурьбой с горки покататься, высокой-высокой, а потом, разделившись на две команды, снежками противников забросать. Ну а после – обратно в дом. Чтобы, согреваясь хмельным элем, смотреть через окно, как расцветают фейерверки на быстро темнеющем зимнем небе. Хорошо…

За время праздников лучшая пятерка факультета Земли очень подружилась с приятелями старшего из братьев Бэрринов, Эрила, Чубом, Серым и Релем. И конечно же вторым братом Златко – Тони. О, это было действительно явление! Остаться в здравом уме после общения с ним можно было лишь потому, что это чудо природы хотело быть везде и сразу, а значит, на одном месте долго не задерживалось. Тони замечательно пел, но все равно привлекало в нем гораздо больше несравненное обаяние, нежели чудесный голос.

К концу второй недели Иве уже казалось, что она знает семейство Бэрринов с их друзьями-приятелями всю свою жизнь и они ей самой чуть ли не братья. «Пережившие вместе Зимние праздники на земле Бэрринов приравниваются к боевым товарищам!» – прокомментировала как-то это чувство довольная жизнью гаргулья.

– Все, Златко, не могу уже больше! – Ива упала в роскошное мягкое кресло. Был вечер. Эрил с друзьями и Тони куда-то делись, родители тоже, и лучшая пятерка Земли осталась и замке практически на правах хозяев. – Вот, чес-слово, легче из какой-нибудь передряги выбраться, чем праздники у тебя в доме пережить.

Присутствующие рассмеялись, а Дэй и Калли с пониманием покивали. Даже Грым не удержался:

– Я чувствую, что наелся дня на два вперед.

Все захохотали пуще прежнего: услышать такое от прожорливого тролля было почти нереально.

Откуда-то выскочил Щапа и прыгнул Иве на руки, напрашиваясь на ласку. Девушка привычно принялась чесать ему пузико. Шуш тут же разомлел, начав издавать какие-то странные звуки, что-то среднее между урчанием и мурчаньем. Всех это невероятно умиляло. Сразу стало так уютно и тепло, а маленькая гостиная напомнила их большую комнату в домике девушек в Университете. Вдруг так и захотелось спросить: мол, сделали все уроки?..

– …И не говорите, – заявила Дэй, поддавшись общему настроению. – Я даже уже согласна в очередную авантюру пуститься.

– Тем более что таковая у нас уже есть, – поддержал друзей Калли, усаживаясь на покрытый бордовым бархатом стол. – Надо только к ней вернуться.

Все вздохнули, вспомнив, что произошло с ними перед Зимними праздниками.

Для великолепной пятерки с факультета Земли эта история началась тогда, когда Златко поведал им о проклятии, что в незапамятные времена было наложено на его семью. Еще тогда, когда первый Бэррин строил их фамильный замок, а за его спиной плескались полупрозрачные синие крылья. В память о них получила свое название непреступная цитадель, приняв на себя вечный груз… Впрочем, с «вечным» как раз вышла промашка, ибо дар первого короля – синие крылья постепенно становился для его потомков редкостью, равно как и магический дар. Из поколения в поколение маги все реже рождались в семье Бэрринов. Может, оно и к лучшему, потому что те, кто был отмечен колдовским даром и этими полупрозрачными, но такими сильными крылами, умирали слишком рано. В этом и была суть проклятия: Синекрылые не доживали и до тридцати двух.

Златко обладал и синими крыльями, и волшебными способностями, и это делало его мишенью чьей-то страшной мести. Разумеется, он не стал покорно ждать гибели неизвестно от чего и пустился на поиски истины. Он ее нашел.

Один из представителей их рода – маг Адриан Бэррин в свое время докопался до правды, но отчего-то не смог переломить ситуацию, хотя и оставил своим потомкам знания, которые помогли бы им в свою очередь узнать истину. Поисками оной занялась великолепная пятерка почти сразу по прибытии в замок Синие Крылья. Им пришлось выдержать все испытания, которые приготовил для

дерзнувших смельчаков давно покойный маг, поскольку чародей хотел, чтобы его наследник, тот, кому достанутся его знания, прочувствовал на себе все то, что будет ему необходимо, дабы правильно распорядиться ими. Даже смерть не смогла изменить силу его заклинаний, но молодые волшебники со всем справились… и поняли все, что хотел донести до них Адриан. Наградой им стала книга, в которой Златко и прочел то, что его так расстроило.

Когда они вернулись из старой башни, куда закинуло их заклинание, Златко заперся в своей комнате, а изнывающим от любопытства друзьям пришлось, тихо поскуливая под дверью, ждать. Конечно, никто не заснул там, но в тот вечер Синекрылый так и не появился. Да и весь следующий день был очень странный. А потом… друзья все же добились от него правды. Сначала им показалось, что зря.

– Златко, или ты немедленно рассказываешь, ради чего мы рисковали жизнью, или я сейчас тебя лично придушу, – наконец не выдержал Грым.

– А я попинаю бездыханное тело, – вися на одной из многочисленных замковых балок, добавила гаргулья. Вот уж любитель высоких потолков!

– Я тоже… – произнес Калли, рассматривая собственные ноготки. – Мм… как-нибудь поглумлюсь.

– Как? – заинтересовалась Ива.

– Потом расскажу, – так же меланхолично ответил эльф.

– Почему? – удивилась знахарка.

– Маленькая еще! – выдал этот вредина.

– Опаньки! – невесть чему обрадовался Грым. – Ушастый, ты что это, оказывается, извращенец?

– С чего ты взял? – в свою очередь удивился Калли. Но от рассматривания собственного маникюра не оторвался.

– А что такого рано знать Иве? Только если речь идет об извращениях!

– Ну вы нахалы! – возмутилась травница. – Можно подумать, я извращений не видела?

– А что видела? – спросила сверху Дэй.

– Ну… по крайней мере, знаю многое! – пошла на попятный Ива.

– Да ну вас, – махнул лапкой Светлый (видимо, пришел к выводу, что та безупречна), закинул ногу на ногу и обвел друзей дивным взором. – Совсем меня запутали. Да и от темы мы ушли. Златко, хватит изображать из себя мировую скорбь. Мне кажется, мы вполне имеем право знать, от чего тебя спасать.

Бэррин выглядел понурым, что для него было вовсе не характерно.

– И правда, Синекрылый, – переключился на дворянина тролль, – кончай страдать и давай уже что-нибудь делать, а то помрешь молодым и прекрасным. Потом таскай тебе до скончания веков цветочки в фамильный склеп. Не хочу!

– Златко, миленький, – присоединилась к атаке друзей знахарка, – действительно, поделись с нами, глядишь, и самому легче станет.

– Или тебя все же как следует попинать? – резюмировала, качаясь на своей балке, Дэй.

Синекрылый поднял наконец голову и вздохнул:

– Вы и мертвого замучаете!

– Мертвые – это к Ло! А ты лучше вещай давай! – усмехнулась травница.

Эльф наполнил бокал из стоящей здесь же бутылки вина и подал приятелю.

– Выпей для храбрости и рассказывай, сколько еще можно тебя упрашивать.

Златко посмотрел на друзей так, будто они пытали его с особым пристрастием. Однако те были неумолимы. Так что пришлось Бэррину, одним махом осушив бокал, начать свой печальный рассказ.

Как любая приличная история, читай: скелет в аристократическом шкафу, то есть роду, эта началась очень и очень давно. Сейчас, наверное, трудно объяснить многое из того, что происходило в те стародавние времена, а уж тем более понять, что именно двигало людьми. Порой сведений слишком мало, а факты искажены, поэтому приходится ориентироваться на легенды, что дошли до нынешнего времени в практически первозданном виде.

Для человеческой расы самой известной легендой, конечно, была та, которая рассказывала о Короле Всех Людей. О том единственном, кто смог спасти человечество от верной гибели – удержать его от шага в бездонную пропасть и вернуть на путь истинный. О том, кто не боялся никого и ничего, шел в бой в первых рядах и всегда побеждал. О том, чья мудрость так и осталась непревзойденной. О том, кого уважали даже эльфы и драконы. И о том, кто, прежде всего, показал: невзирая ни на что, можно быть честным, верным и благородным.

Человечество было одной из самых молодых рас. Моложе были разве что оборотни, гаргульи и иже с ними. И когда люди только появились, им просто позволили жить на тех землях, что они заняли… Их было мало, и никому они особо не мешали – так, мелкие племена, кто-то из них живет до сих пор, а о ком-то и думать забыли, однако люди оказались не так просты. Во-первых, они обладали магией и быстро учились, черпая знания везде, где только можно, ведь среди них появились колдуны всех стихий и направлений. Во-вторых, и, наверное, в самых главных, люди слишком быстро размножались. Жили они мало, особенно поначалу, однако за свою короткую жизнь умудрялись производить на свет слишком большое количество детей. Даже несмотря на болезни и постоянные междоусобицы, что были так часты в их среде. И в-третьих, люди оказались способны рожать детей от представителей других рас. Это действительно было редкостью. Обычно подобные браки были обречены на отсутствие совместных детей. Совсем другая ситуация возникла с людьми. Рожденные от межрасовых союзов с представителями человечества не только оказывались жизнеспособными, но еще и наследовали от родителей самое… нет, не лучшее – все самое особенное. Такие полукровки, разумеется, обладали

способностью заводить потомство от представителей иных рас. Правда, психология у них оставалась чисто человеческой. И это не всегда было хорошо. У человечества, как оказалось, было слишком много пороков, которые их новоявленные носители использовали далеко не на пользу своему роду.

Корысть, подлость, предательство, хитрость, интриганство, жестокость на грани искусства, мелочность, злоба, попрание моральных законов и многовековых устоев мира – вот далеко не полный список того, что было для человечества обычным делом. И как бы ни отрицали представители других рас свою непричастность ко всему этому, но очень большую часть того, что так бесило всех, люди получили именно от «братьев своих старших». Агрессивность и любовь к междоусобицам они взяли от орков. Тупость и грубость – от некоторых из кланов троллей. Высокомерие, снобизм и интриганство – от Светлых. Любовь к риску и неуважение к другим – от Темных эльфов. Жадность и угрюмость – от гномов. Просто люди довели все эти пороки до совсем уж неприличных пределов, впитав и преобразовав так, что можно было только удивляться и поражаться.

И в какой-то момент… Увы, все это напугало слишком многих. И если эльфы и гномы просто прекратили контакты с молодой расой, то те же орки и иже с ними пришли к выводу, что это отличный повод устроить массовую резню.

Только много веков спустя жизнь научила орков сдерживать свои дурные порывы, а тогда… тогда они сами себе казались всемогущими. К тому же они были не одни. Тролли, всевозможная нежить, гоблины, ледяные великаны, монстры всех видов… Сколько их всех было? Полчища и орды. А что из себя представляли люди? Разрозненные перегрызшиеся между собой племена. А их поселения – редкие города, а в основном села, защищенные лишь деревянными ограждениями. Ни союзов с другими расами, ни каких-либо существенных магических знаний – понахватались по верхам, да и только. Однако самомнения у молодой расы было более чем можно себе представить.

Но первые поражения, когда несколько людских племен перестали существовать за считаные минуты, быстро вернули людям разум и понимание истинного положения вещей. И началась паника. Теперь им хотелось только бежать. Спасать детей и любимых. Только куда? Вокруг вражески или недружелюбно настроенные расы да сожженные поля. А еще – смерть от первого встречного существа. Почему? Да потому, что ты – человек. А кровожадные орды, состоящие сплошь из отличнейших воинов, все надвигались

и надвигались, и у человечества не было сил, способных им противостоять.

Люди бежали, пока могли. Теряя родных, земли, все нажитое… и в конце концов надежду. Но скоро выяснилось, что бежать им дальше некуда. На относительно небольшом пространстве остатки самых разных племен, которым удалось выжить к тому моменту, оказались зажатыми со всех сторон. Впрочем, нельзя сказать, что люди только уносили ноги. О нет, много было тех армий, что снова и снова вставали на пути преследователей. Иногда в уверенности, что смогут их остановить, но чаще – в отчаянной попытке выиграть хоть немного времени для тех, кто с каждой минутой уходил все дальше.

И в конце концов на крошечном, по сравнению с тем, что был у них раньше, участке земли, зажатом между двумя эльфийскими лесами и упиравшемся в горы гномов, скопились самые разные люди. Воины, женщины, дети, ремесленники, маги, шлюхи, князьки, нищие… Последователи всевозможных религий и учений. Представители разных племен. Иногда они даже понимали друг друга с трудом. Их объединяло только одно – желание выжить. Однако оно же их и разъединяло. Потому что каждый хотел угнездиться на этой земле, и если кто-то ему мешал, то… выживал сильнейший. И это уничтожало людей быстрее, чем полчища врагов.

И вот тогда появился Он. Тот, кого потом назовут Королем Всех Людей.

Он был младшим сыном одного из правителей трех княжеств, в земли которых вступили бегущие от неминуемой смерти люди.

Он не был совсем уж молодым… и он был очень необычным. В первую очередь, он являлся очень сильным магом. А во вторую, но намного более важную – он верил, что только честь и благородство спасут юную расу. Тогда он уговорил отца, и всех, кто пришел к ним с бедой, приняли, всем помогли. И… началась новая эра. Будущий Король с группой единомышленников-друзей ездил по всем окружающим землям и убеждал людей объединиться, забыть распри, поверить, что вместе у них есть шанс встать на защиту не только своих, но и вообще всех представителей человеческой расы.

Именно тогда один из накормленных и обогретых «погорельцев» убил отца Короля. Но тот не стал мстить, он смог простить, хотя такое казалось почти невозможным. Он снова и снова говорил, что именно злоба, жестокость и

бесчестье и загнали человечество в ту ситуацию, в которой оно оказалось.

Наверное, это было чудо, великий дар убеждения или еще что-то, но в тех загнанных и потерявших всякое человеческое обличье существах вдруг проснулось Нечто давно забытое, какое-то неведомое чувство: будто вдруг они увидели свет в извечной тьме, и то лучшее, что в них было, подняло голову и ответило на призыв Короля. И вот уже под его знамена встали все, кто имел на это силы.

За короткое время Королю удалось сколотить из этой публики вполне приличную армию. Он научил их действовать вместе, и сообща им удалось построить в весьма удобных естественных условиях почти совершенную крепость. Именно с ее защиты и началось победоносное шествие Короля по страницам военной истории.

Это было странно, парадоксально, но его армия, в основном созданная из трепещущего от страха быдла, не только выстояла в кровопролитнейших боях, но и смогла не скатиться в бездну моральной деградации. Они преодолели все: и бесконечные атаки, и отчаяние, и голод, и ужас – и каким-то чудом сумели не превратиться в зверей. Под бело-голубыми знаменами Короля Всех Людей верили в доброту, честь и милосердие. Несмотря ни на что.

Под той крепостной стеной бои шли почти полгода. Но взять ее так и не смогли. И однажды враги отступили. Конечно, не только смелость защитников вынудила их. Тому было много причин. И слишком плохое снабжение, и слишком большие потери за всю кампанию, и общая усталость, и то, что эльфам из соседних лесов совсем не нравилось происходившее по соседству с их лесами, ведь никто не знает, куда потом повернет эта орда. Но, наверное, была еще одна причина – впервые участники «антилюдского» похода почувствовали, что на этот раз им готовы противостоять до последнего. И это был не просто жест отчаяния или желание выжить любой ценой – нет, на сей раз людей объединяла общая идея, единая воля и еще кое-что покрепче – одна на всех мораль. Сейчас это, наверное, кажется странным и непонятным, но тогда это понимали все. Чувства были проще, эмоции сильнее, их редко сдерживали. И веру люди, жившие в те давние времена, воспринимали так, будто она была материальна.

Это был не единственный за всю историю человечества, но тем не менее невероятно показательный пример того, насколько дух может быть сильнее тела.

Тогда противники людей отошли от стены, вернулись в свои земли, и человечество получило передышку. Небольшую. Дальше вновь были война и новые потери. И горе, и боль… Но отныне у человечества появилась надежда. И оно не собиралось ее терять.

Тогда люди умудрялись не только выживать, но и совершенствоваться. Росли города, засевались земли, рождались дети. Маги изучали колдовство, а воины становились все искуснее в своем мастерстве. Королю постепенно, но все же удалось убедить эльфов и гномов, что подвластные ему племена никому не несут зла, и уговорить их на союзы. Оборотни и более мелкие расы давно уже сражались под бело-голубыми знаменами.

Все взаимоотношения строились на очень простых законах: не предавать, не врать, не красть, не убивать не врагов, не использовать чужую жизнь в своих целях, не интриговать, выполнять обещанное, быть честными и человечными. Вот и все. Этого хватило, чтобы сплотить расу. И, конечно, всех сплотил сам Король, глядя на которого люди были готовы верить и совершать невозможное.

Король жил долго. И под его властью люди постепенно вернулись на свои земли, обустроили их. Отбивая одно нашествие за другим, они тем не менее сумели возродить свою цивилизацию, а затем медленно, но верно повели ее к расцвету. Вот уже поднялись к небесам башни и стены Стонхэрма с его Магическим Университетом, пролегли дороги к самым дальним местам, и вскоре делегации от всех рас появились в столице нового государства, а самые разные товары заполняли лавки и мастерские. Все больше улыбок стало появляться на лицах детей и женщин. И мир постепенно смирился с тем, что ему придется терпеть эту странную, но на удивление живучую расу.

И все это время рядом с Королем находились его верные соратники, среди которых были и особо приближенные. В том числе Родрик Бэррин – гениальный маг-самоучка, суровый, нелюдимый, но преданный как пес. За его заслуги ему и были пожалованы эти земли, где до сих пор жили его потомки. Вернее, если быть точными, потомки его брата, который куда менее известен, но от этого не менее славен.

Только от чего же хмурится Златко Бэррин, вспоминая славное начало истории его рода? И почему синие крылья – дар Короля – стали так редко появляться у рожденных в семье Бэрринов? И о каких разрушенных идеалах говорил давно

почивший маг Адриан Бэррин?

– Я даже не знаю, имею ли право просить вас молчать о том, что вы сейчас услышите, – сдался наконец Златко. – Понимаю, что должны знать, а вот молчать… Я всегда верил, что истина, какой бы горькой она ни была, должна быть известна. В моей семье всегда говорили: чтобы не раскрыли твои секреты, надо жить так, чтобы тебе нечего было стыдиться. Какая, однако, ирония… ведь сейчас я попрошу вас молчать о том, с чего и начался весь мой род. Никогда не думал, что вынужден буду стыдиться именно того времени, когда мои родичи стояли рядом с Королем Всех Людей.

– Хватит уже нагнетать страсти, – передернул плечами Грым. – Что бы там ни было, это происходило давно. Чего сейчас мучиться-то?

– Вот именно, Златко, – поддержала приятеля Ива. – Мне кажется, стыдиться надо того, что сам натворил. А ты же никоим образом не причастен к тому, что случилось столько веков назад.

– Если бы, – горько хохотнул Синекрылый. – Мне кажется, я весь измазался в том, что было.

– Ой, Златко, прекрати, – поморщился Калли, – ты сам себя послушай. Противно, чес-слово. Долго ты еще будешь себя жалеть? Понятное дело, что что-то из прошлого твоего рода тебе не нравится, но хватит уже нюни распускать. Родов, в которых нет скелетов по шкафам, не существует в природе. Переживешь как-нибудь. В конце концов, ты – Бэррин, дворянин, маг и мужчина и должен удары судьбы, даже такие, встречать достойно.

– И вовсе я не распускаю нюни, – только и смог на такую отповедь пробормотать Златко.

– Конечно нет! Ты патетически страдаешь, – фыркнул эльф. – Это одно и то же.

– Ну ты и… – Синекрылый аж задохнулся от возмущения.

– Вот за что люблю Калли, – выдала в образовавшейся паузе, пока Бэррин подыскивал достойное наглости эльфа ругательство, Дэй, – так это за его манеру сказать именно ту гадость, что будет всего больнее.

– Еще не начинал, – отпарировал Светлый. – Ну что, Златко, ты готов, как подобает мужчине, достойно поведать все друзьям или продолжаешь перебирать в уме способы меня придушить?

– Надо бы, – буркнул тот. Но потом откинул с лица челку и начал рассказ уже нормальным тоном: – Ладно, ваша взяла… Помните, в своем дневнике Адриан задается вопросом, что же за задание дал Король моему предку?

Все вразнобой закивали.

– Он еще удивлялся, что же заставило Родрика в такую тяжелую пору, как противостояние с шаманом Эзгио, покинуть Короля, уехать невесть куда, – припомнил кто-то.

– Правильно, – согласился Златко, постепенно превращаясь в того, каким его привыкли видеть друзья в домике девушек в Университете. – А помните, в чем была суть конфликта? – Синекрылый не умел обходиться без полуриторических вопросов и эффектных пауз. – Этот Эзгио, – начал он отвечать сам себе, – стоял во главе очень могучего и сильного племени весьма необычных существ…

– У них шкура была крепче доспеха, – отозвался Грым. История никогда не была его коньком, но некоторые вещи он хорошо знал. – Это их мы видели в том ледяном замке. Помните?

Еще бы не помнить. Ива аж плечами передернула, будто наяву почувствовав острую кромку лезвия, что один из них приставил к ее горлу. Память остальных же услужливо нарисовала страшную картину. Похожие на скальных троллей, только раза в два крупнее, гладкие, словно каменные тела, состоящие из сплошных мышц, абсолютно одинаковые, лишенные эмоций лица, почти круглые головы с прижатыми к ним длинными ушами. Быстрые и бесшумные, они казались непробиваемыми боевыми машинами. Когда в их лапы попала Ива, ребята думали, что вот в этот раз уж точно не выкарабкаться без потерь. Ведь, как справиться с этими существами, тогда не представлял никто.

– Ну не их совсем уж, а, скажем так, образы их, – не смог не поправить Синекрылый.

– Ну да, ну да, – совсем непочтительно покивал Грым.

– Как же их звали? – потерла каменную макушку Дэй. – Мы же находили потом это гоблинское название.

– Лефы, – подсказал Калли.

– Точно! – щелкнула пальцами гаргулья.

– Мы помним из истории, – не обратил внимания на этот маленький диалог привычный к подобному Бэррин, – Король подгребал под себя всех, кого мог, ведь никто не знал, когда начнется новое нашествие. А эти существа были бы хорошим дополнением к людской армии. Но самое главное – их земли располагались на стратегически важных перевалах. В случае чего долины за ними могли стать последними, поистине несокрушимыми бастионами. В этих местах люди могли бы прятать самое ценное или во время войн отправлять туда самых беззащитных. Так что Королю нужны были лефы. Но во главе их стоял этот проклятый шаман Эзгио. А ведь он даже не был из лефов! Это ж надо! И имел над ними просто всеобъемлющую власть! И ни в какую не шел на уступки.

– Там какая-то история была с их религией, – припомнила Ива, поглаживая лежащего у нее на коленях шуша. Последнее время зверек все больше времени проводил с младшими братьями Бэрринами, очаровательными золотоволосыми близнецами совсем малых лет, но иногда даже он уставал от их безграничной энергии. Вот и сейчас Щапа явно вознамерился внепланово соснуть у нее на руках.

– Да, – чуть ли не умилился Златко. Его почему-то всегда восхищало, когда Ива проявляла знание истории. Может, он просто относился к ней как к любимой младшей сестренке, проделки которой каждый раз кажутся верхом гениальности. – Именно с религией. Собственно, она и стала камнем преткновения. С самого начала своего возвышения Король поклялся, что никогда и никого не будет принуждать верить в других богов. И того же требовал от своих подданных. Сам можешь верить в кого угодно, но веру другого не трогай. Это было необходимо, ведь человечество уже тогда верило в сотни духов,

божков и богов, причем у всех они были разные. А Эзгио требовал за свое присоединение к Королю, чтобы все люди, что были под его рукой, приняли веру, которую проповедовал шаман. Ему это, конечно, было очень выгодно, поскольку он как один из самых авторитетных жрецов этой религии сразу встал бы чуть ли не вровень с Королем. Но на деле такое было просто невозможно. Даже если бы Король не давал свое обещание. Просто… так религии не прививаются. Да и это грозило бы такими проблемами даже Его Величеству, что, право, оно того не стоило. Златко немного помолчал.

– Где-то здесь и начинается наша история. Переговоры с шаманом шли долго и без каких-либо видимых результатов. Можно даже сказать, что этот вопрос стал принципиальным. Ведь Король никогда не проигрывал – ни в войне, ни в переговорах. А тут… прямо камень посреди дороги! Надо отметить, что символом этой религии был какой-то необычный ребенок. Рожденный в определенные даты, с какой-то особой внешностью, что-то там еще, но по сути – ребенок, которому вроде как суждено было изменить мир и принести в него божественную благодать, ну и так далее… Что там обычно жрецы в таких случаях говорят…

– Причем это же все происходило в очень ранние времена, – воспользовался Калли небольшой паузой. – Тогда магия была куда более хаотична, а по земле вполне могли ходить те, кого вы, люди, называете богами. Всесильные существа какого-то иного, совершенно отличного от всех остальных порядка.

– Да, именно так, – кивнул Бэррин. – Вполне возможно, что этот ребенок действительно обладал какими-то сверхъестественными силами… В это трудно поверить, но…

Вновь молчание. Однако Синекрылый наконец решился продолжить:

– Тогда мой предок Родрик Бэррин получил от Короля совершенно определенное задание. Он отправился к шаману якобы для очередных переговоров. Попросил поведать о его религии. Выспросил все. Сделал вид, что заинтересовался… Полагаю, втерся в доверие. Причем настолько, что Эзгио ему единственному поведал, где находится божественный ребенок. А того охраняли как наивысшее сокровище, которым он и был для этого народа. И вот тогда…

Ива даже зажмурилась, понимая, что сейчас услышит.

– Тогда… мой предок отправился в это место с небольшим, но отобранным из лучших воинов отрядом и… Сначала они уничтожили всю охрану ребенка, вплоть до женщин, что заботились о нем, и похитили его. Теперь у Короля появился отличный козырь в переговорах. Эзгио сразу же пошел на все, что хотели люди. Он не только приказал лефам присоединиться к Королю, но и подчиняться ему как богу. Перевалы и долины оказались во власти людей. Но потом… Король потребовал не только это.

Высокая суровая фигура протягивает постаревшему за последние дни на десятилетия шаману деревянную узкую шкатулку без каких-либо украшений. Эзгио устало оглядывает того, кому так безгранично верил. На некрасивом, но запоминающемся лице Бэррина не читается ничего. Амулеты, бахрома и какие-то травы тихо шуршат, когда шаман тянется к ларцу.

В беснующемся от сквозняка свете факелов блеснул тонким лезвием кинжал.

– Что это? – хрипло звучит голос.

– Ты знаешь, что с этим делать. – Безлик и голос предателя.

Эзгио все понимает. Король его слишком боится. Ему не нужны чересчур независимые личности в таком важном месте. Ему не нужны те, кого приходится удерживать страхом… И наконец, ему не нужны свидетели его бесчестья.

– Вот значит, чего стоит вся ваша хваленая мораль, – кривится сухой рот.

В карих глазах Бэррина что-то мелькнуло, но тут же погасло.

Его почти сломленный противник только усмехнулся.

– Я сделаю, что хочет твой Король… но только если Он будет жить. Обещай мне это, – взгляд упирается в Бэррина.

– Хорошо, – последовал слишком быстрый ответ, чтобы поверить.

– Поклянись, собака! Поклянись всем, что для тебя дорого! Неужели ты причинил Ему недостаточно боли?! Поклянись!

Молчание. И потом очень спокойно и серьезно:

– Клянусь.

И снова взгляд глаза в глаза.

– Ты поклялся. И, поверь, тебе лучше не знать, что будет, если ты эту клятву нарушишь.

Рука в замшевом рукаве забирает «подарок» Короля.

– И что? – У Ивы голос просто сорвался. – Он покончил с собой?!

– Да, – последовал тихий ответ.

– А ребенок?! Что с ним, с ребенком?

– Ребенка убили через пару дней. – Златко не собирался скрывать ничего.

– О боги! – У травницы даже не нашлось слов, чтобы выразить все ее потрясение. – Но почему?..

– Потому что… он был символом, чем-то священным для лефов. Однажды этим мог воспользоваться кто-то другой, наподобие Эзгио. А Королю были нужны только послушные куклы, а не вечная проблема, причем в столь стратегически важном месте… А, может, была еще какая-то причина… В конце концов все было обставлено так, будто ребенок вместе со всей охраной и приближенными погиб по воле обвала в горах.

– Но… но… почему так?! – почти закричала Ива. – Ведь… ведь у Короля были и более строптивые соратники! Я точно помню! Помните… помните, нам по истории рассказывали?! Когда в Музей на Мосту водили! Пострашней и

посерьезней! Но они остались живы! И никто их ни к чему не принуждал! Так почему тут так?!

– Я думаю… – Златко потер лоб, будто у него заболела голова. Возможно, так и было, – …что в данном случае Король просто не мог отступить. К тому моменту весть о строптивости шамана разнеслась по миру, а Король ведь не знал поражений… Уступи он хоть раз – так бы и пошло. Ведь в то время его репутация работала лучше, чем оружие. Одного его имени было достаточно, чтобы половина участников похода против людей отказалась бы от этой затеи. А случись хоть одно поражение, все поняли бы, что такое в принципе возможно… Вы же понимаете, что при таком раскладе кому-нибудь да повезло бы! – сорвался на крик Златко, однако быстро успокоился. – Человечество тогда не могло позволить себе ни единого поражения, ведь это означало бы крах всего… Вот и пришлось Королю вынудить Эзгио подчиниться. А когда это случилось, да еще и таким способом, Король уже не мог оставить в живых свидетеля того, как он – он сам! – отошел от всех тех принципов, которые собирали под его знамена людей и вели их к победе. Ведь в этом случае получалось, что он обманывал всех и вся, когда сделал законом честность, верность данному слову… Проклятие, – все же сорвался Златко, – не использовать жизни людей в своих целях…

Все молчали. Наверное, не знали, что сказать. И было больно. Они понимали, что война и политика не бывают чисты, но Король Всех Людей был в их сознании неприкосновенен, как самое светлое, что оставалось в этом мире. Даже эльфы имели куда больше недостатков с точки зрения людей. Большинство из их достоинств разбивались об их же равнодушие и высокомерие. В Короле же было все – доброта, верность и порядочность, почти недостижимое благородство. Ведь именно это когда-то спасло всю расу людей. Веры в лучшее, доброе и светлое всего одного человека хватило, чтобы повернуть историю вспять. И что же в результате?

В результате друзья сидели придавленные открывшейся правдой. Если история о Короле оказалась… совсем не такой чистой и светлой, как они привыкли считать, то чему же вообще можно верить?

Это поразило всех. Как ни любили говорить некоторые из них, что не верят в благородство и бескорыстие, но каждый втайне верил в Короля, как в то, что добро все равно всегда побеждает. Раз был когда-то такой Король, значит, действительно возможна и справедливость, и лучшая жизнь… Золотой век –

торжество всего самого лучшего.

– И Королю, похоже, было невыносимо видеть рядом с собой постоянное напоминание о его предательстве, – с трудом и спустя довольно большое время продолжил Златко. – Это я о моем предке. Вот он и отослал его в эти земли… Ведь тогда это была даль дальняя. Сюда и дорог-то не было. Так, направления. Эти земли… деньги на этот замок, – губы Бэррина невольно скривились, когда он обводил жестом обстановку вокруг, – и конечно же эти проклятые синие крылья – это плата за предательство. За подлость, убийство и предательство. И я, тот, кто так гордился своим происхождением, вынужден признать, что являюсь потомком предателя, душегуба и клятвопреступника.

Горечь в голосе Златко можно было просто резать ножом. И все прекрасно понимали, каково сейчас их другу. Ведь у каждого свои принципы и свои «киты», на которых держится их мир. Для Златко это была вера в истинное благородство его крови, как и для остальных Бэрринов, гордых тем, что их род возник еще при Короле Всех Людей, и их предки якобы никогда не преступали принципов, когда-то им озвученных. Нет, Бэррины не были фанатиками, но в них было много, очень много от самоотверженных паладинов чести. Не уступать в жизни ни на шаг. Идеи дороже жизни… И все в таком роде.

– Златко… – голос Ивы дрогнул, – нельзя так. Это же было так давно… – Она не знала, что сказать. Но в одном не усомнилась: Синекрылый после его откровений не стал для нее хуже ни на капельку. Это по-прежнему был их Златко. И ему было плохо.

– Не только это… – вздохнул Калли. – Для эльфов века не имеют значения, но, Златко, один поступок не перечеркивает всего. Да, то, как поступил твой предок, ужасно. И разрушает многое из того, во что ты… да и я, все мы верили, но нисколько не умаляет того, что было сделано хорошего. Ведь и до этого, и после Родрик Бэррин сотни и сотни раз спасал, лечил, вставал на сторону справедливости… Разве этого мало? Иногда говорят, что есть вещи, которых не искупить, а я всегда представляю весы, и поступки на них как яблоки. Некоторые и правда тяжелее других, но все равно… Если на одной чаше много «яблок», а на другой мало, пусть они и тяжелые, то первая все равно перевесит. И у Родрика на той чаше весов, где взвешивается добро, куда больше «яблок», да и у всего твоего рода тоже. Так что теперь, страдать? Он выполнял приказ. Да, наверное, он мог бы отказаться от такого задания… Но не мы были в той

ситуации. Возможно, тогда Родрик не посмел поступить иначе, он не смог предать своего сюзерена. Кто знает, откажись он – это принесло бы еще больше бед. Да, он пожертвовал частью принципов, но не предал своих. Без веской причины Родрик вряд ли пошел бы на такое, равно как и сам Король… Что тебе сказал Адриан? Не осуждай. Они свое отжили. Просто живи достойно. Вот и все. Это и станет твоим вкладом на чашу весов, где взвешиваются добрые дела твоего рода.

– Сожалениями делу не поможешь, – согласно буркнул Грым. – Приказ есть приказ. На деле с чистыми руками остаются только трусы. А сильным приходится совершать то, от чего всякие чистюли морду воротят.

– Присоединяюсь ко всем высказавшимся, – нахмурилась гаргулья. – И понимаю, что тебе сейчас нелегко. Но ты сильный, так что справишься. А сейчас есть более насущные проблемы. Я ведь правильно понимаю – шаман отомстил? Все, кто жили после Родрика и имели эти синие крылья, умирали совсем молодыми. В этом же суть проклятия, да?

– Не совсем так. – Златко говорил все равно замедленно, будто пребывал на грани сознания. – Синие крылья – действительно знак, что ли… Те, кто проклят, обладают этими крыльями… и магическим даром. Подозреваю, что крылья или подпитываются за счет магии, или просто не могут возникнуть, поскольку им как бы уцепиться не за что, если нет колдовства в человеке. И собственно на них наложено это проклятие. Не знаю, как это удалось Эзгио, но рассчитал он все правильно. И логично. Ведь эти крылья – плата за содеянное. Только если Король сделал их наградой, то шаман… по-другому оценил предательство. Так что месть получилась что надо. Сейчас поясню насколько! – Парень глубоко вздохнул и продолжил: – Помните, я рассказывал, что смерть приходила за Бэрринами с синими крыльями не сразу, а только после того, как они добивались чего-то. Вот вроде жил человек, плохо ли, хорошо, заметно или как мышь серая, и никакое проклятие ему не мешало. А стоило ему добиться чего-то действительно стоящего, как начиналось… Неприятности так и сыпались на него. Теперь я знаю почему. Такое происходило, потому что… каждый из них однажды преступал одно из правил, на которых зиждется наш род и которые провозгласил когда-то Король.

– Шикарно, – почти выдохнул эльф. Он, как любой Светлый, весьма своеобразно относился к морали. – Даже в чем-то благородно. Шаман не тупо проклял весь род. О нет, он решил наказать только тех его представителей, кто… – Тут Калли

все-таки вспомнил о такте, оглянулся на Златко и явно переформулировал: – Преступил установленные самими же Бэрринами законы. Ведь твои сородичи всегда истово верили в те принципы, которые провозгласил Король. И если они нарушали их, то, значит, предавали и себя, и его, потому наказание было неотвратимо. Понимаю, Златко, что это история твоего рода, но, согласись, задумка на уровне гениальности.

– Калли! – зашипела Ива.

– А ушастый прав, – хмыкнул Грым. – Хватит кукситься, Синекрылый, лучше поведай, что ты теперь будешь делать. Ты уже придумал, как можно снять твое проклятие?

– Кстати, теперь ты по крайней мере знаешь, как обезопаситься от него, – высказалась Дэй. – Просто не преступай законов чести Короля, и все будет в порядке.

– Я не собираюсь жить по чести только из страха! – тут же вспылил Бэррин.

– Тем более, – пожала плечами гаргулья. Поскольку висела она на балке, то жест выглядел забавно, но друзья давно уже привыкли и даже внимания не обратили. Только Щапа поднял мордочку, огляделся, душераздирающе зевнул и снова уткнулся Иве в колени.

– И правда, Златко, – отозвался эльф, – не кипятись. Если моим сапожкам… – Калли кивнул на свои полусапожки дивного изумрудного цвета, одни из любимых, к слову, – пригрозить, требуя, чтобы они были зеленого цвета, то им от этого не будет ни горячо, ни холодно. Вот и тебе не должно мешать сознание того, что к твоим принципам, которые ты и так не собирался преступать, добавится еще один аргумент этого не делать. А пока лучше ответь на вопрос Грыма: ты уже придумал, как будем снимать проклятие? Или, может, Адриан что-то пишет по этому поводу? – Светлый кивнул на добытый с таким трудом том.

– Ничего я не буду делать, – буркнул в ответ Бэррин.

– То есть как это? – опешила Ива.

– Да-да, Синекрылый, будь добр, объяснись, – возмутился тролль, для которого бездействие было худшим из грехов. Если, конечно, не имелось в виду время после обеда… ужина или другого приема пищи.

Калли только удивленно и даже как-то хмуро взглянул на приятеля. И лишь на каменной морде Дэй ничего не отражалось.

– Да что тут объяснять?! – раздраженно повел плечами Златко. За ним такое настроение очень редко водилось, но, видимо, потрясение было настолько сильным, что Бэррин еще не пришел в обычное благостное расположение духа. – Я поступлю но примеру Адриана. Помните, он писал, что не будет ничего делать. Мне кажется, это единственное правильное решение. Мы виноваты перед Эзгио и несем свою кару. И… фактически ведь это проклятие не требует от нас чего-то невозможного. Просто оставаться порядочными людьми. И если мы не можем не преступать через собственные принципы, то… – Фраза осталась незаконченной, но все поняли. И, признаться, у четверых приятелей просто пропал дар речи.

– Но, Златко, – вырвалось у травницы, – нельзя же так! – «Кажется, я сегодня уже говорила?»

– Вот именно, Синекрылый, ты чего? – Грым тут же полез за яблоком – заесть потрясение.

– Это совсем на тебя не похоже. – Калли покачал ножкой, чуть поморщившись от разносившегося на всю комнату хруста, когда тролль вгрызался в яблоко.

– Наверное, у Златко это… – Гаргулья сделала широкий жест, призванный означать что угодно, – шок. Во-от!

– Шок не шок, а проблему-то это не решает, – фыркнул тролль: яблоко уже исчезло в его бездонной глотке. – Синекрылый, ты это, не дури. Надо дела делать, а не дурью страдать.

– Златко, Грым прав. – На милом личике Калли отразился почти ужас от того, что он уже второй раз за вечер соглашается с троллем.

– Во! Даже ушастый согласен! – Тот и сам, видно, был удивлен этим обстоятельством.

Девушки невольно умилились, глядя на парней.

– Вы не понимаете! – вскочил со своего места Златко. – Не понимаете!

– Да что мы не понимаем?! – на том же уровне громкости ответила ему Дэй. Для убедительности еще и крыльями помахала. – Достал уже со своим благородством. Не будь идиотом, Златко! Никто не идеален, но это не значит, что из-за этого они должны умирать.

– Все ошибаются, Златко, – тихо произнесла Ива.

– Но за ошибки не должно расплачиваться жизнью, – продолжил ее мысль Калли.

– Ведь… только ошибаясь, осознавая свои проступки, можно двигаться дальше и… становиться лучше, – вновь перехватила инициативу знахарка. – Разве это не очевидно?

Бэррин в упор посмотрел на девушку, а она на него. Эльф, явно не ожидавший от юной чародейки таких слов, тоже удивленно уставился на травницу. А Синекрылый и Ива просто сцепились взглядами. Друзья невольно, но уже не в первый раз подумали, что они очень похожи, даже внешне: светлые волосы, карие глаза, крепкие, немного коренастые фигуры. Только между ними была пропасть в происхождении и воспитании. С другой стороны, они, по крайней мере, были люди, хоть Ива и не совсем подходила под это определение.

– Я всегда верил в то, что мы другие… В то, что мы действительно… можем жить по тем принципам, которые заложил Король, – наконец протолкнул через гортань Бэррин. – Ведь они так просты… и так правильны…

– Я не буду тебе говорить про гордыню, Златко, – покачала головой знахарка. – Ты же понимаешь, что даже вы не можете считаться святыми. Верь в свои идеалы и дальше, только не отбирай у себя и тех, кто будет жить после тебя, право оставаться людьми.

Бэррин как-то сразу сник:

– Думаешь?

Травница пожала плечами:

– Без работы над ошибками не бывает роста, а не давать себе права на ошибку, значит, приравнивать себя к богам, а это попросту гордыня.

– Ты же не эльф, – заржал Грым.

Калли скривился, а все остальные рассмеялись. И сразу стало легче.

Златко только махнул рукой.

– Я не со всем согласен, но что уж с вами поделаешь? – Улыбка коснулась его уст.

– Вот-вот, – в ответ ухмыльнулась Ива, – к тому же девушкам не принято отказывать.

– Ива, ты это, надеюсь, о вас с клыкастой? – осторожно уточнил Грым.

– Конечно, о нас с Дэй, – хихикнула та. – Это нашего Калли в темноте и без особых опознавательных знаков от девушки не отличишь, а тебя даже по пьяни с женщиной не спутаешь!

Все вновь засмеялись. А эльф произнес:

– Ну вот, ни за что уже второй раз за пару минут по шапке получил. – Однако в его чудесном голосе угадывалась улыбка. – Ива, утешь меня и скажи, что ты пошутила.

– Я тебе комплимент сделала, – пояснила девушка. И комната вновь наполнилась хохотом. Даже Щапа проснулся, с удивлением оглядел смеющихся хозяев, неодобрительно покачал мордочкой и вновь расплющил ее на коленях травницы.

– Ну ладно, о том, что делать, будем думать потом. Сейчас у нас на носу Зимние праздники. Не думаю, что в них я найду возможность… проявить свою человечность, – наконец смог произнести Бэррин. – А отметить оные просто отлично – наша прямая обязанность! Так ведь?!

– Та-а-а-к!!! – был слаженный ответ. Зимние праздники обожали все.

Тогда они на том и порешили. И вот пришла пора к этому вопросу вернуться. Как ни хороши Зимние праздники, а сил веселиться больше не было.

– Знаешь, Златко, я во время праздников тут думал кое-что… – начал было Калли, но его слова потонули во взрыве хохота.

– Ты мог во время праздников думать?!! – выразил общее мнение Грым.

Эльф спокойно переждал всеобщее веселье и уже в тишине продолжил:

– Да, я, в отличие от всех здесь присутствующих, думаю всегда.

– Даже во сне? – подначила Ива.

– Можно и так сказать. В любом случае это неважно. Важно другое – мне покоя не дает один вопрос.

– Какой? – сумел из себя выдавить Златко.

– Почему все же маги перестали рождаться в вашей семье?

Все тут же приуныли. Возвращаться к разговору о проклятии все равно когда-нибудь бы пришлось, но удовольствия это никому не доставляло.

Бэррин вздохнул:

– Как я понял из записей Адриана, там не очень четко это обозначено, но вроде бы таковым было решение самого Родрика. Сам он так и не женился. Не хотел… Или, скорее всего, не пожелал плодить проклятых… А может, не верил в то, что

его потомки смогут выдержать эту постоянную нагрузку – быть всегда на высоте. Но проклятие оказалось хитрее. Оно перешло на его племянников и их потомков. Равно как и дар Короля. И, подозреваю, сам Родрик, а может, его брат или кто-то из его ближайших потомков сообразил, что синие крылья и их проклятие завязаны на магическом даре, вот и решил, что обезопасить свой род можно одним способом: надо, чтобы маги больше не рождались в семье. Нет магов, нет проклятых.

– А разве такое возможно? Если наследственность сплошь магическая? – удивилась гаргулья.

– Наверное, да, – пожал плечами Златко. – Вы же помните, что учителя говорили о той эпохе. Тогда магия совсем не была такой, как сейчас. Она буйствовала, сходила с ума… Возможно, именно потому тогда рождались маги такой запредельной силы, как Король или Родрик. В те времена магию вполне можно было связать с наследственностью… Ну или отвязать… Как это будет правильнее звучать?

Все задумались.

– Не слишком ли нереально? – засомневалась Дэй.

– А как ты это еще объяснишь? – задал почти риторический вопрос Синекрылый. – У меня, по крайней мере, другого объяснения нет.

– Ладно, – повел Калли рукой, – допустим, что это аксиома. Так что будем делать с твоим родовым проклятием, Златко Бэррин по прозвищу Синекрылый?

Только Светлому удавалось говорить подобные вещи с таким непередаваемым изяществом, будто сидел он в чертогах королей и держал совет с владыками. И при всем это никогда не выглядело пафосно. Иногда аж придушить его за это совершенство хотелось.

– Прямо, что делать, у Адриана не сказано, – вздохнул Златко. – Но он пишет, что надо съездить в долины. Ну в те, из-за которых и была драка. А там найти место, где держали ребенка… и где похоронен шаман.

– М-да… на могилку, так сказать, наведаться, – проворчал тролль. – Почему мне уже не нравится?

– Потому что у тебя хорошее чутье на неприятности, – хмыкнул эльф. – И тут я полностью согласен с Грымом, вряд ли нам понравится то, что мы там увидим, или то, с чем мы там столкнемся. Но выбора у нас нет, насколько я понимаю.

– Так что придется ехать, – беззаботно закончила мысль гаргулья. Ива давно заметила, что ситуации, в которых есть только одна перспектива дальнейших действий, чем-то неизменно радовали Дэй.

– Нет так нет, – пожала плечами знахарка. – Как раз праздники кончились, по идее началась практика. Вот ею и займемся.

Златко, Грым и Дэй слаженно застонали.

– Ива, ты, когда говорила это, рассчитывала вызвать в нас энтузиазм? – возмутился тролль.

– С чего ты взял? – хихикнула травница. – Просто гадость какую сказать хотелось. А то все уже в этом преуспели, а я – нет. Обидно!

Юмора народ не оценил.

– Что-то мы плохо на Иву влияем, – протянул Калли, тем не менее улыбаясь.

– А по-моему, хорошо, – возразила вечный дух противоречия Дэй.

– Ты, клыкастая, по себе не суди, – фыркнул Грым. – Это тебе чем языкастей, тем лучше, а…

– А тебе нет, что ли?! – тут же не преминула перебить его гаргулья.

– А вот и нет! Я люблю девушек покладистых!

– С каких это пор? – удивилась знахарка. – Тебе же всегда стервы нравились!

– Ну так это… того… – попытался объяснить Грым.

– Ага, как в койку тащить, так…

– Дэй, Грым! – оборвал начинающуюся перепалку Калли. – Ну что за дурацкая дискуссия. Вот Златко за это время успел уже опять куда-то в мыслях улететь!

– Это он с тебя пример берет, – тут же высказался тролль, но в ответ на укоризненные взгляды поднял руки, мол, молчу.

– Да ничего я не улетел, – буркнул Синекрылый. – Я просто думаю, как нам ехать.

– Долго небось туда добираться? – тоже задумался Грым.

– Да нет в принципе. Если телепортами… – качнул златокудрой головой Бэррин. – Только придется через Сквор Подбережный. Оттуда есть телепорт практически куда нам надо. А если через Елиц, как мы ехали, то круг надо будет такой закладывать – разоримся!

– Сквор Подбережный… – повторила Ива. – Это тот, за который вы враждуете с вашими соседями?

– Ну не то, чтобы враждуем… – протянул Златко. – Скажем так, не очень друг друга любим.

– То есть цепляетесь друг к другу, если находите повод? – лукаво уточнила гаргулья.

– Мм… по крайней мере, будет лучше не встречаться ни с кем из Ллетов, – резюмировал Бэррин.

– Да зачем нам с ними встречаться? – пожала плечиками знахарка. – Нам просто надо доехать до телепортов, и все.

– Ага, а ты думаешь, что стража на воротах, когда увидит шевелюру нашего Златко, – скептически высказалась Дэй, – не доложит кому следует о том, что мы явились в город?

– Оденем на Златко шапку, – хохотнул тролль.

– А мордашку его тоже спрячем? – не отставала гаргулья. – Уверена, в лицо его тоже знают.

– Да ладно тебе, клыкастая, даже если сцепимся, – беззаботно хмыкнул Грым, – ты что, боишься, что ли?

– Я?! Боюсь?! Да ты вообще думаешь, что несешь!..

– Вот, гоблин, я их сейчас убью, – не выдержал Златко. – Вы долго будете еще ругаться?

– А нам нравится!!! – хором заявили ему.

Ива и Калли рассмеялись. Бэррин скривился:

– Никто и не сомневался. Лучше давайте подумаем о том, с чем столкнемся.

– Это ты о Ллетах? – бесцеремонно перебил его Грым.

– Да ну их, этих Ллетов, – отмахнулся Синекрылый. – Ну правда, что они смогут нам сделать? Задирать мы их не собираемся. А сами они вряд ли полезут. Все же мы маги, пусть пока и слабые. Чародеи у Ллетов тоже есть, но вряд ли они примут участие в такой сомнительной затее. Задирается обычно молодежь, а если мы не будем поддаваться на провокации, то и повода не будет. Главное – держите меня за загривок, а то у меня при виде этих уродов мозги напрочь сносит. Видеть их не могу.

– Хорошо, – пропел своим дивным голосом Калли. – Постараемся тебя осаживать.

– Ага, если что, сами по голове чем-нибудь тяжелым приложим, – заржал тролль.

Знахарка закатила глаза.

– А потом я тебе тоже… по голове чем-нибудь тяжелым, – недовольный таким непочтением проворчал Златко. – Ну да ладно, не будем больше времени на этих уродов тратить. Лучше вот что… тут в записях Адриана, – Синекрылый потряс томом, – есть указания на то, с чем мы столкнемся. Конкретики особой нет. Я так понял, что там тоже… как получится… Не какие-то стандартные или постоянные опасности, а что-то изменяющееся. Однако он, – юноша опять зачем-то потряс записями, – привел те типы опасностей, с которыми мы можем столкнуться наиболее вероятно. И некоторые из них магические, поэтому предлагаю потренироваться в «щитах» от разных типов магий, а то небось за праздники-то забыли уже все.

Ответом ему был слаженный стон.

Однако Златко потому и принадлежал к направлению Разум, чтобы такие мелочи его не останавливали: остаток дня друзья провели в магических тренировках, разборах возможных препятствий, с которыми они рискуют столкнуться, и в повторении уже действительно подзабытых колдовских теорий.

Разумеется, выехали они не на следующий день, так как надо было, по выражению матери Златко Всеславы Бэррин, «основательно собраться». Родителям, да и никому в замке, кстати, они ничего не сказали о цели путешествия, сославшись на задание по практике и уверив, что ничего, опаснее обычных дорожных трудностей, в нем нет. Вид у прочих Бэрринов был такой, будто они не поверили, но пытать с особым пристрастием не собирались. Понервничать пришлось тогда, когда Тони предложил старшему брату и его друзьям поехать вместе «с этими авантюристами», мол, делать все равно нечего. Правда, на помощь неожиданно пришла Всеслава, заявив, что вся эта компания, а особенно ее второй сын-менестрель, будут только мешаться ребятам. К тому ж она так редко своих старших детей видит, чтобы они всей толпой вот так смотались из дома.

Ива тогда, правда, видела краем глаза весьма интересную сценку. Уже под вечер Эрил отловил в укромном уголочке Синекрылого и прямо спросил:

– Ты точно не хочешь рассказать, с чего это тебя понесло невесть куда?

Златко с явным трудом удержал на лице невозмутимое выражение и твердо ответил:

– У меня практика, я же говорил.

– Говорить-то говорил, только я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить. Думаю, ма тоже не поверила.

– Не понимаю, о чем ты, – стоял на своем третий сын из семьи Бэрринов. Он прекрасно знал Эрила, которому как делать нечего – взять брата на понт.

– Значит, не хочешь, – грустно констатировал тот. Прямой взгляд, под которым было так трудно врать. – Ты уверен, что это правильное решение?

– Ты чересчур много общался с высокопоставленными интриганами. – Маг хлопнул по плечу военного, сделав шаг в сторону, чтобы уйти.

– А ты – с эльфами, – услышал он в спину. И хорошо, что в тот момент Эрил не видел лица брата, потому что кроме выражения облегчения на нем явно присутствовала еще и улыбка. «Ты даже не представляешь, насколько ты прав, братишка», – подумал тогда Златко.

Распрощавшись с родными и новыми друзьями и сумев таки выбраться за стены замка, что сделать было весьма сложно, ибо каждый встречный и поперечный так и норовил лично попрощаться с каждым и дать какой-нибудь очень дельный совет, друзья облегченно вздохнули и пустили лошадей вскачь по заснеженной, хоть н хорошо утоптанной дороге.

Все бурно порадовались, что все же им удалось вырваться из лап сумасшедшей семейки Златко и иже с ними. Немного посмеялись, обменявшись советами, что им надавали, перекинулись традиционными шутками и сосредоточились на дороге.

Ведь путешествие на самом деле очень увлекательное занятие. Вроде бы чего тут такого – едешь и едешь себе. Однако не все так просто… Люди мечутся по жизни туда-сюда, сотни маленьких дел, разных проблем, но стоит им ступить на

дорогу, привычный мир летит в тартарары, и они оказываются… в межмирье, где тревога, ожидание, надежда, тоска сливаются в нечто единое, и словно на короткие мгновения жизнь сбрасывает покровы обыденности и является во всей красе. Перемещаясь между населенными пунктами, трактирами и прочими условными точками на карте, люди остаются наедине с самими собой… Без покровов и масок, без пурги привычных забот. Они настолько близко подбираются к собственному «я», что становится даже страшно и порой возникает чувство, будто смотришь в незнакомую бездну и не знаешь, какой темный зверь вылезет оттуда. А еще дорога – это всегда неопределенность, ведь трудно предположить, что встретится тебе на пути. Вот и сейчас друзья отлично понимали, что с их счастьем поездка может преподнести массу неожиданностей, да и пункт назначения был весьма и весьма неопределенным. Но каждый втайне признавался себе, что ни за что не отказался бы от этого приключения. Слишком хотелось прикоснуться к тайне. И пусть так – через разочарование, но все-таки соприкоснуться с тем, что связано с Королем Всех Людей. Каким бы он на самом деле ни был, он сделал слишком многое, чтобы им можно было не восхищаться.

А вообще-то сейчас великолепная пятерка радовалась просто тому, что они куда-то вновь ехали, им вообще нравилось путешествовать. Не постоянно, а именно с какой-то целью. И время, потраченное на дорогу, их ничуть не раздражало. Они ведь имели замечательную возможность поболтать ни о чем, посмотреть на места, где прежде не были, да и побездельничать без каких-либо угрызений совести.

Правда, к вечеру ребята уже думали по-другому. Все же провести день в седле, даже если он короткий, зимний, тяжеловато.

– Вот гоблин! Отсидела себе все что можно!!! – выругалась гаргулья.

– А я – и что нельзя, – буркнул тролль, пытаясь в очередной раз устроиться поудобнее, но это очень не нравилось его скакуну.

Ива прыснула в кулачок. Грым погрозил ей своим здоровенным кулачищем, коего девушка ничуть не испугалась и даже показала язык. Златко с улыбкой понаблюдал за этой сценкой и только потом заметил:

– Трактир уже скоро.

– Бр-р, я с прошлого раза уже боюсь трактиров! – тут же высказалась Дэй.

– Да ладно тебе, клыкастая, мы после той змеюки уже ночевали в трактире и ничего не случалось.

– Но тогда с нами были Эрил с компанией, – возразила гаргулья и как-то странно при этом улыбнулась. Будто в последний момент хотела подавить улыбку, но не получилось. Ива с новым интересом пригляделась в подруге. «Что это она улыбается при воспоминании об этой части поездки?»

Вопреки опасениям Дэй ночь прошла без каких-либо событий, даже ни единой традиционной для таких мест драки не случилось: то ли завсегдатаи заведения испугались магов, то ли просто не хотели устраивать беспорядки при сыне хозяина здешних земель. На следующий же день, проболтавшись пару часов по все той же белой бесконечной дороге, друзья наконец въехали в Сквор Подбережный. Златко хоть и нехотя, но спрятал волосы и лицо, глубоко надвинув капюшон.

Впрочем, это мало что дало. Юные маги поняли это, когда перед ними на одной из улочек выросли несколько человек весьма знакомого типа – молодые задиры из замковой молодежи. В Стонхэрме подобных типов тоже было полным-полно: молодых дворян и иже с ними. Но те очень точно знали, к кому можно лезть, а к кому – нет. Маги и их ученики попадали во вторую категорию. Поэтому университетского опыта столкновений с подобной публикой у друзей было не так уж много. Зато до своего приезда в Каменный город каждый из приятелей имел опыт общения с подобной публикой. И если в случае с гаргульей или Грымом вопрос, кто круче, решался примитивным мордобоем, то в окружении Златко могли и на дуэль вызвать. Эльф же умел отбрехаться от любого, да и люди не так часто трогали Светлых. А вот Ива предпочитала обходить такие компании десятой дорогой или очень быстро убегать при их появлении.

Основная проблема с молодыми дворянами и их друзьями заключалась в том, что частенько они чувствовали свою полную вседозволенность, особенно на своих землях. Дерзкие, задиристые, дурашливые, они представляли собой абсолютно непредсказуемый фактор – могут и элем на халяву угостить, а могут и заколоть как свинью. А уж про девушек и говорить нечего.

Ива за время своего путешествия из Восточных Лесов не раз и не два била перед лицами таких компаний зелья с ядовитыми или сонными парами, дабы получить фору для побега. Пару раз ее чуть было не поймали, но каким-то чудом все же ей удалось убежать. Знахарка, надо отметить, пока добралась до Магического Университета, лучше всего научилась именно убегать.

Вот и сейчас, увидев перед собой нескольких богато одетых молодчиков с наглостью на порядком разрумянившихся – не от вина ли? – лицах, первой ее реакцией было оглядеть пути отступления. Улица была довольно широкая для не такого уж большого города, однако дома стояли вплотную, а пересекающий ее переулок они уже проскочили. Да и не факт, что он не упирался в тупик. Выходит, единственное, что было возможно, – это повернуть обратно.

И только через полминуты Ива вспомнила, что сейчас уже нет необходимости убегать трусливым, но очень благоразумным зайцем. Теперь она тоже может показать остренькие зубки. Да и рядом были те, кто в состоянии существенно повысить шанс на победу в любой заварушке.

Однако компания незнакомцев явно придерживалась другого мнения. Они сидели в седлах отличных лошадей, демонстративно преградив путь. Горожане быстро сообразили что к чему и попрятались в домах, оставив для любопытных глаз маленькие щелочки в окнах и дверях.

Грым и Дэй нехорошо, но очень знакомо оскалились в ухмылках. Калли и знахарка заученно придержали лошадей, отставая на корпус.

– Калли, может, ты все же посияешь на них своей эльфийской… улыбкой? – осторожно поинтересовалась травница. – Неохота же драться.

Светлый легонько приподнял плечи. Он всегда так делал, когда считал вопрос слишком глупым, чтобы на него отвечать.

– Дивная острота ушей нашего ушастого, – тихонько схохмил Грым, – их мало интересует. Они явно тут ждут именно нас, и вряд ли для интеллектуальной беседы.

Ива и сама это понимала, но устраивать городские побоища действительно не хотела.

– Ой, вы только посмотрите, кто к нам заявился! – раздалось откуда-то из недр компании, преграждающей проезд юным магам. – Бэррин! Да еще в обществе каких-то уродов.

– Хотя бабы-то ничего, – высказался другой, ковыряя в зубах. – Эй, Бэррин, ты никак совсем ум потерял, коли сунулся сюда? Или решил откупиться девками? Неужто Бэррины поумнели хоть немного?

– Ага, красавчик, мы, пожалуй, даже согласимся на такой обмен – тебе жизнь и свободный проезд, а нам бабы.

Травницу даже не передернуло от такой гнусности. Она прекрасно понимала, что их просто провоцируют, но злость Синекрылого ощущалась даже со спины.

– Златко, не смей! – прошипела она.

– Извините, мои дорогие, – выдавил из себя он одновременно с Ивиным шипением, – не в этот раз. Дайте проехать, пока руки-ноги целы и голова на плечах своя, а не чужая.

«Не удержался», – горестно подумала знахарка, понимая, что после этого драка им просто обеспечена. Плохо было то, что любая агрессия с их стороны может быть потом использована в политических, если так можно назвать перманентную грызню между соседями, целях.

– Ой-ой-ой! Как страшно! – продолжил кривляться еще один из противников – плотного телосложения парень с коротким тонким шрамом на правой скуле. – Ты что же думаешь, что коли в маги подался, то теперь тебя все бояться будут, а, Златко Бэррин по прозвищу Синекрылый? Думал, что можно теперь разъезжать по чужим землям как у себя по огороду?

– Ошибаешься! – подобострастно прогнусавил блондин слева. – Тут тебя никто не боится! – За старание он получил одобрительный взгляд и тут же преисполнился гордости – аж грудь колесом.

– А разве города не считаются свободными? – достаточно громко, но в то же время будто размышляя, произнесла Ива.

– О, ты погляди, а его шлюхи еще и разговаривать умеют! – включился вновь первый.

Знахарка почувствовала, что и сама закипает. Как сдерживались все остальные, было вообще непонятно. И тут ей пришла в голову идея, на тот момент показавшаяся ей гениальной. Рука девушки нырнула в заветную сумку и вытащили скляночку с одной отличной тертой травкой. Призвав тоненькую струйку магии воздуха, Ива, краем уха прислушиваясь к перебранке, все набирающей обороты, высыпала немного порошка на руку и в обход лучшей пятерки Земли отправила его к противникам. Результат проявился буквально через пару секунд. Лошади приспешников Ллетов сперва начали трясти головами и рыть землю – в роли оной выступала булыжная мостовая – копытами. Их хозяева забеспокоились уже на этом этапе. И не зря. Потому что не прошло и минуты, как кони вдруг решили то ли побегать, то ли и вовсе сбросить седоков. Они крутились на месте, пытались подняться на дыбы, а потом и вовсе припустили куда-то прочь. Причем парочка – в сторону молодых чародеев. Пятерка шустро расступилась – отвела своих лошадей чуть в бок, и невменяемые скакуны с ошалевшими хозяевами промчались мимо.

Та же бесславная участь постигла и остальных задир.

– Вот гоблин! А подраться! – возмутился Грым.

– Ива, твоя работа? – безошибочно определил виновника Златко, поворачиваясь в седле.

Травница только пожала плечами и улыбнулась. Раз ясно, что спрашивать? Тоже явно без влияния Калли не обошлось.

– Ну и зачем?! – продолжил выражать неудовольствие прерванным развлечением тролль.

– Не надо было, – тихо произнес Синекрылый. – Теперь они смогут сказать, что на них напали.

– Не смогут, – мотнула головой Ива. – Это не магия и не оружие. Так… травка. – Девушка не выдержала и вновь ухмыльнулась.

– Травка? – удивился Бэррин. – Не магия Природы?

– Не-а, – еще больше заулыбалась знахарка. – Ты же сказал, чтобы мы не нападали первыми. Хотя, на мой взгляд, они вполне заслуживали небольшого урока. К тому же порошок был направлен на животных, не на людей.

Бэррин немного подумал, потом чуть нахмурился, но все же кивнул:

– Вроде правильно.

– Тогда поехали дальше, – вклинилась Дэй. – Не думаю, что эти молодчики потерпят такое с собой обращение и не приведут друзей и папочек на подмогу. Хотя я согласна с тем, что небольшого урока эти козлы заслуживают, а драка – всегда хорошо, но сегодня у нас не прогулка ради удовольствия, а есть вполне конкретная задача.

Признаться, все немного удивились, услышав такое рассуждение именно от гаргульи. За ней благоразумие не особо водилось. Тем не менее Златко согласно кивнул, и друзья двинулись дальше: до телепортов оставалось всего ничего.

– Слушайте, а почему они сказали, что не боятся магии? – через пару минут молчания спросил тролль. – Странно как-то.

– Сам думаю, – буркнул Синекрылый.

– Амулеты, – невозмутимо пояснил Калли. – На них на всех были какие-то амулеты.

– Откуда знаешь? – тут же оживился Грым.

– Знаю, – не изменил себе Светлый.

– А не понял, какие? – Бэррин знал, что если от эльфа последовал такой ответ, то более подробного разъяснения ждать бесполезно.

Калли покачал светлыми кудрями.

– А все же? Хоть что-нибудь. – Златко тут был лицом особо заинтересованным, ведь это касалось и безопасности земель Бэрринов.

– Какая-то сборная солянка, – подумав, произнес остроухий. – Но не думаю, что тебе следуют особо беспокоиться. Они не показались мне сильными. Уверен – на втором-третьем ударе уже бы не выдержали.

– Иногда и этого достаточно, – буркнула Ива, которая, в отличие от всех остальных членов команды, не особо владела холодным оружием, да и, если говорить правду, в ближнем бою была легкой добычей.

– Это не тот случай, согласись, – повернул к ней смазливенькую мордашку эльф. – Даже ты, находясь под нашей защитой, мало чем рискуешь. Да и… есть огромное количество заклинаний, которые напрямую не направлены на носителей амулетов, а значит, на них не действуют. И при этом заклинания наносят не меньше вреда.

– Это ты про что, ушастый? – скривился ужасно не любящий канцелярского языка Грым. – Приведи пример.

Светлый, как всегда, поморщился от прозвища, но артачиться не стал.

– Камень, который ты подтолкнул магией упасть с крыши на голову своего противника. Яма, разверзшаяся под ногами врага. Заклинания, направленные на животных, с действием наподобие того, что нам продемонстрировала Ивина трава.

– А-а, понятно, – протянул тролль. – Кстати, Ива, а ты как сделала, что лошади такое учудили?

– Да ничего особенного, – пожала плечами чародейка. – Этот порошок вызывает очень неприятные ощущения у животных. Жжение в глазах, будто иголочки колют в ушах, слизистой и так далее. Если не смыть, то чем дальше, тем сильнее.

– Вот за что люблю нашу Иву, – хохотнул Грым, даже приотставший, чтобы хлопнуть ее по спине, после чего знахарка чуть было не вылетела из седла.

Лоренцо – ее своенравный конь – недовольно фыркнул. – Так это за то, что вроде милая добрая девочка, а как выдаст что, куда там нам!

Все захохотали и стали вспоминать примеры. Знахарка смутилась, и это всех еще больше позабавило.

– Что-то мне не нравится, – вдруг произнес эльф, одной этой фразой нарушая веселье.

– Вот те раз, – почти возмутился тролль. – Сейчас-то что не так, ушастый?

– Не знаю, – пожал плечами Светлый. – Предчувствие какое-то плохое.

– Та-а-ак, – тут же напрягся Златко. – Давайте прибавим ходу.

Предчувствия Калли редко его обманывали.

– Нам нужно всего лишь добраться до телепортов, – как молитву произнесла Ива.

Они почти успели. Почти.

Юные чародеи как раз выехали на площадь с телепортами, когда в десятке шагов перед ними выросла колонна всадников, с ног до головы закованных в железо. Златко еле слышно ругнулся. Лица гаргульи и эльфа разом приобрели холодно-сосредоточенное выражение. Ива пыталась скрыть страх: сражаться с рыцарями в полном облачении, да еще в таком количестве ей еще не приходилось. Да, им на занятиях в Университете показывали возможные приемы в таких ситуациях, но, во-первых, совсем мало, делая упор на развитие магии и, собственно, поединки, а во-вторых, одно дело тренировка, а другое – реальный бой. И только рожа тролля выглядела довольной.

– Может, они не по нашу душу? – робко то ли вопросила, то ли попросила небеса травница. И даже сама себе не поверила.

– Во я посмеюсь, если так, – хмыкнула сквозь клыки Дэй.

И тут же будто в ответ раздалось громкое:

– Златко Бэррин, против вас выдвинуто обвинение в применении магии против… – прозвучало несколько ничего не говорящих для друзей имен, – вассалов славных графов Ллетов.

– Не придется, – сказал Грым гаргулье, ненароком проверяя, как меч выходит из ножен.

– Уже графы, – сквозь зубы рыкнул Синекрылый. – Понятия не имею, о чем вы говорите, – произнес он уже громче. – Мы с друзьями едем к телепортам через свободный город Сквор Подбережный и никому не мешаем. Какие могут быть претензии?

– Вы применили магию против…

– Где доказательства? – пожал плечами Златко.

– Такое поведение животных иначе чем магией не объяснишь. Или вы скажете, что не встречались с этими людьми? – Взмах рукой в сторону уже знакомой компании, которая показалась чуть слева от группы приспешников Ллетов. – И не видели, что их лошади вдруг взбесились?

– Почему же. – Насмешку Синекрылому удалось-таки спрятать поглубже, за вежливым голосом и открытым взглядом. – Видел, очень удивился. Но право – если эти люди не умеют обращаться с животными, то я-то тут при чем?

– Не смешите меня, Бэррин. Тут налицо магическое воздействие, а ваши оправдания звучат просто жалко!

– Могу сказать вам то же. Мне совершенно очевидно, что вы пляшете под дудку Ллетов, которым Бэррины всегда были поперек горла. Вот и строите какие-то смехотворные обвинения. На чем они основаны? На весьма пристрастных показаниях заинтересованных лиц. Сначала докажите магическое воздействие, – стоял на своем юный чародей, – а потом уже предъявляйте ваши обвинения.

– Для этого прошу вас проехать с нами, маги, которые смогут с этим разобраться, будут уже скоро.

– Вы издеваетесь, да? – поднял светлую бровь Златко. – Вы думаете, я не знаю, что все маги в этих землях находятся на службе у Ллетов?

– С таким же успехом в этом споре можем быть экспертами мы. – Калли откинул капюшон, явив миру светлые волосы и острые ушки.

– Вы вместе с Бэррином, вы не можете выступить судьей в этом деле! – справившись с удивлением (все же Светлые эльфы в этих местах не так часто встречались), возмутился переговорщик.

– Отчего же? – изобразил удивление Калли. – У вас нет основания верить нам, а у нас нет оснований верить вам. Насколько я понимаю, – полупрезрительный взгляд в сторону бывших противников, – никто не пострадал, так давайте разойдемся каждый при своем.

– Не выйдет, господин эльф, – рыкнул рыцарь.

– Это еще почему?

– Потому что на моей земле не будут шастать Бэррины! – Властный гулкий голос раздался совсем с другой стороны. Второй отряд закованных в броню рыцарей выехал с той стороны, откуда недавно вынырнули студенты Стонхэрмского Университета. Лучшую пятерку Земли заключили в классические клещи. Вправо и влево можно было поехать, но толку от этого было бы мало – там впритык друг к другу стояли дома.

Судя по прищурившимся глазам обернувшегося Златко, он явно знал говорившего. Тот был примерно на десяток лет постарше самого Синекрылого, но, судя по выправке и развороту плеч, куда больше внимания уделял физическим упражнениям.

– С каких это пор Сквор Подбережный стал твоей землей? – Голос юноши прозвучал с хрипотцой, и в нем отчетливо бурлил гнев. Друзья отлично знали, что в таких случаях дело могло дойти совсем уж до греха.

– Разве кто-то отменял приказ Короля Всех Людей о свободе городов? – поспешила добавить гаргулья. Она сейчас была в человеческой ипостаси и вполне могла сойти за человека.

– Тебе ли об этом говорить? – послышался еще один голос, и в его обладателе друзья мигом узнали своего коллегу. Только в этот раз он явно не собирался придерживаться цеховых правил солидарности.

– Мне – не мне, – не растерялась Дэй, – но разве истина от этого меняется? Города свободны, и по ним может ездить кто угодно.

– А арестовать вы нас можете только через эмиссара из столицы и Стонхэрмского Магического Университета, – отчеканил эльф. – Чародеи и студенты означенного учебного заведения не являются подсудными гражданскому суду.

Было буквально видно, как злость заполняет противников. Все понимали, что обвинение в использовании магии – это все лишь фарс. Однако то, как легко его опровергли, явно бесило всех, находившихся на противоположной стороне.

– Поговори еще мне, щенок, – не нашелся что дельное ответить Ллет. – Хотел по-хорошему, но… – Рука в железной перчатке поднялась и резко опустилась. – Взять их!

Нельзя сказать, что такое развитие событий юные чародеи не предвидели. У каждого из них уже были готовы несколько заклинаний и «щитов». Пусть университетские учителя не успели всему научить своих учеников, но они дали им основы, которые помогали идти по правильному пути. Вот и сейчас лучшая пятерка факультета Земли четко знала, кто из них и за что отвечает и как следует действовать. Это не обязательно могло привести к победе, но давало куда больше шансов.

Стоило рыцарям пустить коней вскачь, как эльф взмахнул рукой, и полурастаявший снег под их копытами застыл, превращаясь в лед.

Грым, развернувшись в седле, послал в бой несколько увесистых «каменных кулаков». Летели они кучно и щедро, так что набравшим скорость рыцарям надо было или принимать их на себя, или уворачиваться. Ни то ни другое решение

правильным не было. В первом случае ощущения были самые что ни на есть неприятные, да такой удар мог вполне вышибить из седла. А если сзади ехал еще кто-то? Второй же был практически невыполним: улица не такая уж и широкая, с обеих сторон соратники, так что просто наклонить корпус на деле было не так легко – доспех-то полный, латный.

Такая атака на самом деле была довольно примитивной и по идее должна быть легко отбита вражеским магом, однако у лучшей пятерки Земли имелся весьма и весьма своеобразный козырь. Одновременно с поднятой рукой Ллета Ива вытащила из заветной сумки один замечательный пузыречек. Он шмякнулся на землю как раз перед магом, разбился вдребезги, выпуская из себя едкий и весьма густой дым, на пару мгновений лишив того способности концентрироваться.

Если все это и давало шанс немного задержать тех, кто был сзади, то оставались еще находившиеся впереди. К счастью, между всадниками было достаточно пространства, чтобы осуществить задуманный план. Дэй что-то громко крикнула, и друзья пустили лошадей с места в галоп. Пришлось вонзить шпоры им в бока весьма болезненно, чтобы перепуганные кони выполнили приказ – ведь им навстречу неслись куда более тяжелые рыцарские скакуны со своей нелегкой ношей.

Со стороны могло показаться, что юные чародеи сошли с ума. Однако это заблуждение. Кони сделали всего два скачка, как вдруг воздух под копытами стал густеть, образовывая невидимые, но вполне ощутимые ступеньки. Животные, уже знакомые по тренировкам с подобными трюками, радостно принялись взбираться по ним, ведь это уберегало их от столкновения с колонной тяжелых собратьев. Разумеется, магии гаргульи хватило только на то, чтобы волна нападавших успела проскочить под ними. Потом пришлось прыгать вниз с весьма немалой высоты, но дело сделано – путь до телепортов был свободен.

Златко подхлестнул своего дурноватого, но быстрого скакуна и первым оказался возле пунктов мгновенного перемещения. Фамильный клинок вылетел из ножен и прижался к горлу обслуживающего его мага.

– Быстро в Орий! – рявкнул Синекрылый. Уж что-что, а командовать Бэррины умели.

«Хвала богам, что телепортисты, как правило, ничего более не умеют», – подумал Златко, глядя, как кивает неожиданно оказавшийся так близко от смерти волшебник. Вот уже и друзья рядом.

Юные маги и правда оказались уже около телепортов и тут же обернулись. В стане противника царил хаос. Часть рыцарей, не сумев сдержать коней, со всей дури врезались в своих же соратников. Другим повезло больше – они сумели натянуть поводья. Правда, тормозить по льду оказалось не так просто. Но тем не менее достаточно большая часть воинов уже разворачивали скакунов, посылая их к телепортам.

– Да быстрее ты! – прикрикнул Златко на телепортиста, наблюдая краем глаза, как с рук Грыма срываются не особо опасные – если не по голове – «камушки»,[1 - Простейшее заклинание магии Земли.] Ива забавляется тем же, но с магией Воды. Калли тоже что-то творит, но лук не натягивает. Все понимают, что в данной схватке надо обойтись без трупов.

– Готово! – Видно, как магу страшно, но телепорт работает исправно. – Шагайте по одному. Лошадей под уздцы.

Первая – Дэй. Она больше всех потратила магии, но в случае чего может и мечом помахать. Продержится пару секунд до прибытия всех остальных. Потом Ива, а за ней уже парни.

И очень вовремя, потому что, как только телепорт сомкнулся за идущим последним Бэррином, около него оказался первый из воинов Ллетов.

На этой стороне все было в порядке. Только маги-телепортисты смотрели на взъерошенную, явно выпрыгнувшую из драки компанию вытаращенными глазами.

– Они полезут сюда? – спросил Грым у Златко, все еще стоявшего на площадке телепорта и тем самым мешавшего кому бы то ни было им воспользоваться.

– Не думаю, – мотнул парень головой, все еще пребывая в немного ошарашенном состоянии. Ведь если бы телепорт не перенес его за столько верст, то огромный полуторник какого-то рыцаря точно бы оказался у него, Златко, в теле. От этого хотелось передернуть плечами, хотя бы мысленно поблагодарить богов и

ругнуться. Синекрылый ограничился первыми двумя пунктами, и не из-за девушек, а просто надо было ответить на вопрос. – Там они на своей территории, а здесь… еще неизвестно кто кого.

– А что, – телепортист наконец не выдержал и мотнул головой в сторону портала, – в Скворе восстание? Уличные бои?

– Что-то вроде, – буркнул Грым, хмуро оглядываясь.

– А возвращаться теперь все равно надо будет окружным путем, – посетовал Златко и наконец сошел с площадки пункта телепортации. Его конь тут же расфыркался, невесть по какому поводу возмущаясь.

– Подумаешь, – мотнула головой Дэй, – больше увидим, больше узнаем.

– Больше денег потратим, – то ли добавил, то ли возразил тролль.

– Деньги найдем, – обронил Калли. Они как раз выезжали с площади, где стояли телепорты. – Или своих хватит, или заработаем. В конце концов, даже наши немногие умения наверняка кому-нибудь да пригодятся.

– А что, ты, ушастый, согласился бы батрачить на кого-то? – заинтересовался Грым.

Эльф изящно повел плечами.

– Не батрачить, а работать по найму. – Потом слегка изогнул губы то ли в улыбке, то ли усмешке. – И да, почему нет?

– Но как? – делано удивился тролль. – Ты же из Светлых. Они же все из себя совершенные, им все должны в ножки кланяться и в рот заглядывать, и уж никак ими не командовать.

На Калли уже с интересом посмотрели все остальные. Даже про стычку в Скворе забыли. Тот же ответил им раздраженным взглядом.

– Не пори ерунды, Грым.

Ива, видя, что тот уже открывает рот, чтобы продолжить доставать Светлого, поторопилась вклиниться в перепалку со следующей фразой:

– Ой, да что вы уже о возвращении думаете. Нам бы сначала дела переделать и живыми при этом остаться, а там уж как-нибудь вернемся.

И только закончив говорить, подумала о том, что перевод темы был сделан вовремя, но не совсем в лучшую сторону. Однако положение выправил все тот же эльф.

– Да, Златко, что у нас там в планах первым номером стоит?

Синекрылый, по-видимому, пропустивший всю перепалку между Калли и Грымом, задумчиво произнес:

– Сейчас выезжаем из города…

– Да, кстати, а где мы? – спохватилась Дэй.

– Орий, самый ближайший город перед перевалами, что ведут к Долинам Закатов, – невозмутимо – хотя говорил об этом уже явно не в первый раз, – ответил Бэррин.

– Какое все-таки замечательное название! – улыбнулась Ива. Даже Калли кивнул.

– Орий? – не понял тролль.

– Нет! – возмутилась таким непониманием травница. – Долины Закатов. Златко, а откуда такое название?

Тот пожал плечами:

– Думаю, когда мы туда попадем, то поймем. Я как-то не задавался этим вопросом.

– Ты – и не задавался?! – Знахарка аж раскрыла ротик в удивлении.

– Ну не то что не задавался, – пошел на попятный Синекрылый. – Я просто думал, что там красивые закаты, вот и назвали так. Почему еще?

– Что-то это непохоже на тебя, – тем не менее покачала головой ведьмочка. – Может, там какая-то красивая легенда с этим названием связана.

– Ива, если там есть какая-нибудь красивая легенда, – усмехнулась Дэй, – то нам ее обязательно расскажут раз пять по пути туда и столько же обратно!

Друзья довольно хохотнули в ответ на шутку. Практика показывала, что гаргулья была права.

Лучшая пятерка не торопясь ехала по городским улицам, с интересом рассматривая архитектуру и жителей. Однако скоро это занятие им порядком поднадоело, ибо ни в тех, ни в других не было ничего примечательного или как-то радикально отличающегося от всего, с чем до этого приходилось сталкиваться юным магам. Обычный провинциальный городишко с необходимым набором достопримечательностей – парочкой старинных храмов, ратушей и фонтаном на главной площади.

– Златко, а Златко? – пресытившись зрелищем, заныла травница.

– Что, Ива? – терпеливо откликнулся тот.

– А что там сейчас, в этих Долинах?

Синекрылый задумался, чем тут же вызвал интерес всех остальных.

– Любопытный вопрос, – улыбнулся он наконец. – Признаться, мне тоже было очень интересно, что же там такое. А на самом деле… почти ничего. После того как человечество окончательно утвердилось на тех землях, на которых живет и по сей день, Долины потеряли свое стратегическое значение как последний оплот обороны или естественные крепости-убежища. Сейчас там вполне обычные поселения. Заставы и охранные сооружения, правда, тоже остались.

Жители в основном промышляют животноводством – пасут скот в предгорьях. Говорят, получается восхитительное масло и сливки, а также какая-то особая шерсть от овец. Еще сюда частенько едут те, кто интересуется историей времен Короля Всех Людей. Тут есть несколько построек этой эпохи, не очень много, но зато со всеми особенностями, характерными для тех времен. В том числе и фортификационными… – Глаза Златко загорелись знакомым огоньком. – Ведь все же, что было построено в то время на этих землях, было рассчитано на Длительную осаду… Так что посмотреть там действительно есть на что.

– И везде пускают? – поинтересовалась гаргулья.

– Ну… договориться всегда можно.

– А я вот слышал, – особым, с легкой хитринкой голосом произнес Калли, – что в этих Долинах до сих пор есть несколько мест, куда никого не пускают. Что-то вроде закрытых городов.

На эльфа подозрительно посмотрели все.

– И что там? – задала неизбежный вопрос Ива.

– Не знаю, – невозмутимо ответствовал Светлый. – Но если рассуждать логически, то, скорее всего, там какие-то экспериментальные производства, лаборатории.

– Магические?

– И магические, и алхимические, и еще какие-нибудь, говорю же, не знаю.

– Ну почему сразу лаборатории? – пожал могучими плечами тролль. – Вполне возможно, там что-то вроде Монетного Двора и хранилищ для казны.

– Думаешь, государственную казну хранят так далеко от столицы? – удивилась Дэй.

– А что стоит наладить постоянный телепорт между ней и дворцом короля? – вопросом на вопрос ответил Грым.

– А еще там наверняка находится какой-нибудь особо засекреченный архив, – мечтательно вздохнул Златко. – Вот бы попасть…

– Не-е-е, – тут же отреклась Ива. – Лучше уж в алхимическую лабораторию. Там наверняка полно ингредиентов на основе трав. Вот уж куда бы попасть!

– О нет! – хором вскрикнули все, кроме эльфа, отчетливо вспоминая маньячный блеск в глазах подруги, когда она принималась за любимое дело – варение всяких зелий и эксперименты с новыми травками (последнее слово произносилось с придыханием и восторгом на мордашке).

– Вы чего? – удивилась любительница эликсиров и зелий, искренне считавшая, что ничего интересней знахарского дела в природе не существует.

– Ничего, – быстро оборвал дискуссию Златко. – Тем более что мы туда не поедем. Эти все закрытые города находятся в глубине Долин, а нам надо будет проехать несколько перевалов и свернуть… там в одном месте. От главных Долин, за которые, собственно, и шла война, это довольно далеко.

– А мы сможем туда зимой пробраться? – вполне резонно забеспокоился тролль.

– Должны по идее, – кивнул Синекрылый. – Тут же намного теплее, чем у нас. – Будто в подтверждение этих слов из-за пазухи Ивы вылез шуш, огляделся, понюхал воздух – носик смешно задергался – и выдал одобрительное «А-э-у», после чего переполз через переднюю луку седла. Девушка осторожно поддерживала зверушку. Щапа был ловкий, да и опыт езды именно в таком положении у него был, но сама травница еще не привыкла к тому, что шуш сидит перед ней. Ей постоянно казалось, что он вот-вот… Всю дорогу до родового гнезда Бэрринов зверь просидел у знахарки под меховой курткой, выползая только на пару минут и почти тут же прыгая назад, а потом еще, как правило, дрожал с полчаса. Однако оставаться в замке Щапа категорически отказался, и Ива до сих пор ломала голову над причинами такого упрямства: то ли шушу хотелось быть со своей временной хозяйкой, то ли так его близнецы, младшие Бэррины, замучили. – Зимы не такие холодные, – продолжил Златко, вдоволь налюбовавшись на выкрутасы обожаемого всеми малыша. – А сами горы не такие уж высокие. Отвесные, коварные, но не высокие. В любом случае надо самим смотреть.

– Ну ладно, посмотрим, – согласился Грым.

Городок действительно оказался небольшим. Вот уже друзья выезжали из ворот, у которых раскланялись со стражей, уточнили направление и двинулись по укатанному грязноватому снегу дороги.

– А тут действительно теплее, – высказалась Дэй. – Не так чтобы я променяла зимнюю меховую куртку на что-то более легкое, но все же.

– Ага, и снега много меньше, – добавил тролль. Это и в правду было так. Пространство вокруг уже не казалось белым. То тут, то там из-под снега проглядывали бока валунов, стволы деревьев или же просто буро-черные участки земли. А сам снег лежал толщиной максимум в пол-ладони.

Вдали виднелись сизо-голубые горы, больше похожие на собственные тени или клубы дыма. Леса тут отстояли достаточно далеко от дороги, а по пути то и дело попадались маленькие деревушки и трактиры.

По мере продвижения горы приобретали все большую четкость, и вот уже было понятно, что пусть это и не самые высокие вершины на свете, но задерживать врага тут можно было очень долго.

Друзья оказались у самых предгорий в середине дня и, не сговариваясь, осадили лошадей.

– Красота-а-а, – протянула Дэй. – Мне нравится.

– Еще бы тебе не нравилось, – хмыкнула Ива. – На дом похоже?

Гаргулья с особым пристрастием осмотрела скалы.

– Не, не похоже. У нас растительности нет вообще, а тут немного, но есть. Вон видно… – Она махнула рукой куда-то.

– Странно как-то, – произнес эльф. – Я вижу скалы, но… есть и предгорья. Защищать их нереально, а вот противник тут очень удачно может

расположиться. И слишком близко к самым вероятным местам застав. Неужели именно это место было так важно для Короля Всех Людей?

Фраза всем показалась несколько незаконченной, но никто ничего не сказал. По негласному договору друзья старались лишний раз не упоминать о предательстве, дабы не расстраивать Златко. И так создавалось впечатление, что он постоянно об этом думает. Иве и вовсе казалось, будто нечто в лице друга изменилось – какая-то тень легла на открытые благородные черты, и это ей ужасно не нравилось. Она слишком любила Синекрылого – такого, каким он был. А был он на самом деле очень веселым, ответственным и всегда полным идей. И ему очень не шла грусть.

– Не совсем это, – тем временем пояснил Бэррин, понимая, что все сказанное ранее оказалось недостаточно убедительным. – Эти долины… Они как бы представляют собой кольца… или какие-то другие геометрические фигуры, но обязательно замкнутые со всех сторон, лишь с узкими, легко обороняемыми проходами. Так что если прорвались в одну из долин, то, чтобы попасть в следующую, потребуются точно такие же усилия как в случае с предыдущей. Но есть здесь и те долины, которые… главные, что ли. Там и скалы выше, и предгорий вот таких, – парень сделал широкий жест рукой, – нет, и сами долины больше и плодородней… даже горы с полезными ископаемыми какими-то. А мы сейчас находимся у одной из долин, вернее, у скал, которые ее окаймляют… короче, не у самой главной и интересовавшей Короля долины. Причем тут вот какое дело. Тут пара долин есть, несколько еще мест, пригодных для жилья, которые полноценными долинами назвать нельзя, а потом начинаются вообще абсолютно непроходимые скалы. В лучшем случае пара тропок на одну ступню есть. Это только кажется удобным – вроде как сзади никто не нападет. На самом же деле это западня. Если из других долин, в случае чего, хотя бы часть людей могла выбраться, то тут – баста. Спасутся от силы десяток, и то, если очень рано сбегут.

– Понятно, – протянул тролль. – А сейчас там, говоришь, живут?

– Живут. Что б не жить? Им до ближайшей границы с месяц ехать, так что внешние агрессоры не страшны… а от внутренних никто и нигде не застрахован.

– И куда именно мы едем? – поинтересовался эльф.

– Трудно объяснить, у меня карта с собой, – покачал головой Златко. – Пока прямо. По нормальной наезженной дороге через перевалы. Потом окажемся в долине, там еще какое-то время ехать. А затем свернуть надо будет на горную тропу.

– Звучит страшно, – откликнулась Ива.

– Почему? – удивилась Дэй.

– Да меня всякие перевалы и горные тропы пугают.

– Ты параноик!

– Я?! – От такой наглости знахарка чуть не свалилась с седла, а ребята еще долго ржали. Параноиком в их компании была как раз Дэй.

А дорога тем временем уводила их в неизведанную еще даль. Равнина и небольшие холмы, заваленные огромными валунами, сменились отвесными с обеих сторон скалами и узкой полоской неба над ними. Было видно, что этот путь наезжен – то тут, то там попадались следы, навесы со следами кострищ, порой даже мусор, однако за все время друзьям не встретился ни один путник.

– А это нормально? – занервничала травница. – Что никто ни в ту, ни в другую сторону не ездит.

– Успокойся, Ив, – буркнул тролль.

– Там небольшие поселения, – подтвердил слова Грыма Синекрылый.

Знахарка передернула плечами и почесала за ухом Щапу, который давно уже не смотрел вперед, а, удобно устроившись перед чародейкой и зная, что она за ним присмотрит, посапывал. Зверек довольно заворчал, но не проснулся. Ива вздохнула: скалы как-то нехорошо на нее давили. Это Дэй чувствовала себя тут как дома, даже уже полетала немного. А травнице нужны были леса и луга. И чтобы огромные, насколько хватает глаз. И никаких слишком высоких мест – так, небольшие холмы. Овраги еще иногда можно, там луговая клубника самая вкусная. Чтобы кузнечики там еще всякие, стрекозы, прочая мелочь прыгала-

летала вокруг. И чтобы запахи трав были хмельные, жаром палило и сердце радовалось.

Улыбка сама собой выплыла на лицо девушки. «Скоро… через всего полтора месяца весна. Сначала снег стает, земля от воды набухнет, реки поднимутся, первая травка начнет вылезать. Потом и цветы появятся. Самые красивые цветы именно весной. Часто простые и безыскусные, они чудесны какой-то удивительной чистотой и свежестью… А затем и вовсе расцветут сады, и все будет в бело-розовом цвете…»

– Ой, смотрите, что это?! – вдруг воскликнула глазастая Дэй, тем самым прерывая сладкие грезы знахарки. Ива даже нахмурилась, так ей не хотелось расставаться с радужными картинками.

– Где? – завертел лобастой головой Грым. – Да где, клыкастая?!

– Да вон же! – Гаргулья все тыкала и тыкала куда-то в сторону и вверх.

Травница тоже покрутила головой и наконец разобрала, что привлекло внимание Дэй. На высоте примерно десяти или около того ростов в скале была выдолблена фигура… какого-то существа.

– Ой, – не удержалась светловолосая чародейка, – а кто это?

– Калли, ты хорошо это видишь? – спросил Златко.

– Отлично, – последовал невозмутимый ответ.

– И что там?

– Статуя. Очень древняя. Или тут постоянные селевые потоки. Так, постойте, там что-то написано…

– Что? – мигом заинтересовался Бэррин.

– Сейчас…

– Хотите, я слетаю? – чуть ли не запрыгала в седле Дэй.

– Не надо, я уже разобрал, – обломал ей все удовольствие эльф. Гаргулья тут же надулась. Впрочем, на это никто привычно не обратил внимания. – Просто язык мне неизвестен.

– Сможешь изобразить?

– Конечно. – Светлый полез в сумку, выудил оттуда какую-то тетрадь, судя по всему, с лекциями, и на одной из последних страниц принялся что-то черкать карандашом. – Вот. – Предъявил он друзьям свои каракули, то бишь, простите, письмена, немного полюбовавшись ими и сверив с оригиналом.

Тетрадка тут же пошла по рукам.

Изображенное там чем-то напоминало гномьи руны, но явно к ним не относилось – слишком много округлых деталей, а у маленького народа в ходу были только вертикальные, горизонтальные и наклонные палочки.

– Знаешь, что это? – недоуменно почесал макушку Грым, признавая свое полное поражение.

– Я – нет, – зачем-то высказалась гаргулья, вертя и так и этак запись.

– Есть у меня одно подозрение, – задумчиво протянул Синекрылый и тоже куда-то полез. – Похоже, это язык лефов… по крайней мере мне так кажется, – продолжая копаться в сумке, пояснил Бэррин. Через полминуты на свет появился уже знакомый друзьям том с записями Адриана. – А тут у него… – Бэррин взвесил на руке книгу. – В конце довольно много написало про самих лефов. Даже есть небольшой словарик их языка. У них, как водится… Вернее, как нам везет… – Юные маги криво усмехнулись на эту полушутку, вспомнив историю с поисками артефакта Калли… как самую показательную. Тогда они много с различными языками намучались. – Короче, у лефов свой оригинальный язык был. Адриан не то что его изучил… Как его изучать? Носителей-то не осталось, да и записей гоблин наплакал… Он насобирал сведений о нем. Слова там какие-то нашел, перевел… и алфавит… вернее, у них не алфавит, а что-то вроде слогового письма: один знак – это несколько звуков.

– Хм… ну, давай посмотрим, – предложил Грым.

– Да смотрю уже, смотрю, – раздалось от зарывшегося в записи Златко. – Так, такого слова точно нет.

Все приуныли.

– А ты посмотри по произношению, может, что и выплывет, – посоветовал Калли.

– Кстати, а вам эта фигура ничего не напоминает? – спросила Ива.

– А что – должна? – заинтересовался тролль. Он вновь задрал голову, чтобы получше рассмотреть статую… Или все же барельеф? – Если ты намекаешь на самих лефов, то нет.

– Да нет, я не про них… хотя, на мой взгляд, все же что-то есть, – начала Ива. Но ее тут же перебила гаргулья:

– Да ты посмотри, какое пузо! – Пузо и правда было знатное, девятый месяц, не меньше. – Ты же сама помнишь этих лефов… ну образы их, и никакого пуза там не было!

– Ну… какое-то все-таки было, – из духа противоречия возразила травница.

– Плоское!

– Ну это да… Но ты посмотри.

– Да я смотрю, смотрю, – будто передразнивая Златко, азартно завопила Дэй. – Видишь, по пропорциям ясно, что он… ну что он там… маленький! И уши недлинные! И вообще, он пухленький как будто!

– А, может, это у них бабы были такие? – заржал тролль.

На него тут же шикнули невесть почему.

– А что? – продолжал ерничать Грым. – Забавно было бы посмотреть, как они тра…

– Гоблин! Ну вот чего ты такой противный?! – возмутилась травница.

– А можно подумать, ты у нас святая и…

– Грым! – оторвался от писанины своего разлюбезного родственника Синекрылый. – Тебе еще с Ивой поругаться для полного счастья!

– А я не ругаюсь! Я за свободу слова!

– Это свобода не слова, а сквернословия! – Знахарка сама не знала, отчего так завелась.

– И что? Можно подумать, ты никогда не ругаешься. И с каких это пор подобные выражения стали руганью?

– То, как ты их произносишь, их такими делает!

– И как это я не так их произношу?!

– Непочтительно!

– А почему я должен быть почтительным к этим лефам?! Они мне ничего хорошего не сделали. Скорее наоборот!

– Ну знаешь! Нельзя же так! Ты…

– Вас покусать, да, чтобы вы замолчали? – сумел-таки вклиниться в перепалку Златко. – Чего сцепились-то?

– Да Ива у нас решила праведницу из себя изобразить!

– Никого я не решила изобразить! Мне просто не нравится, когда ты пошлишь!

– Да я еще не начал! Если я стану пошлить, то и скалы покраснеют!

– Вот не надо только…

– А я, кажется, понял! – вдруг раздался голос эльфа. Еще в начале перепалки он утащил с коленей Бэррина его заветный том и сейчас тыкал в него изящным пальчиком.

Все тут же повернули к нему лица.

– Что ты понял, ушастый? – без перехода переключился Грым.

– Понял, кто это, – даже улыбнулся Калли.

– Да?! – Глаза Синекрылого аж расширились. – И кто?

– А вот, смотрите… Эта надпись на лефском языке звучит как «орикимей». Я порылся в записях и вот что нашел… – Светлый перевел взгляд на книгу и прочитал: – «Леяру Орикими – одно из младших божеств из религии лефов, больше даже дух. Как я понял, в его функции входит охрана людей, то бишь лефов, во время их путешествий по горным перевалам. Возможно также, что это один из духов-охранителей здешних мест. Появление изображения этого существа или вырезанное на камне имя предупреждает, что в этом месте возможны камнепады. Практически все виденные мною статуи Леяру Орикими выполнены на большой высоте, а ведь бога-духа надо было как-то задобрить, вроде как положить подношение к его ногам, но как это возможно чисто технически, я так и не понял. Изображают его обычно пузатым маленьким человечком, имеющим лишь отдаленное сходство с лефами. Почему так, для меня тоже осталось загадкой. Забавный народ, что ни говори».

Калли поднял мордочку.

– Тут, конечно, расхождение в окончаниях, но мне кажется, это просто зависит от прочтения… Вполне возможно, что этот символ читается по-разному в разных комбинациях. Или как-то так… Ведь все остальное-то совпадает.

Златко забрал том у эльфа и сам сунул нос в записи, а тролль тем временем, совершенно позабыв, что только что ругался с травницей, искренне похвалил приятеля:

– Ну ты голова, ушастый! Как только углядел!

Светлый, даже несмотря на нелюбимое им прозвище, выглядел польщенным.

– И правда, – словно нехотя согласился Синекрылый. – Похоже, это оно и есть.

Все как по команде еще раз запрокинули головы, чтобы посмотреть на творение древних мастеров. Выглядело оно не очень. Время и природа не пощадили его. Изначально гладкий камень от времени покрылся сколами и трещинами, заметными даже на таком расстоянии. И вообще, статуя производила удручающее впечатление. То ли потому что разрушение чего-либо – это всегда печально, то ли – она служила живым напоминанием, что ее создателей и почитателей давно уже нет на этом свете, причем не без помощи одного из Бэрринов. Ива давно заметила: сколько бы друзья ни ругались между собой – хотя это даже и руганью в полном смысле не назовешь, ведь никто не обижался всерьез, – стоило кому-то из них испытать настоящую боль, и команда становилась будто единым организмом. Каждый из их пятерки словно на себе испытывал то, что чувствовал другой. Конечно, речь шла не о физической боли, но эмоционально все переживалось очень сильно. И безумно хотелось помочь, как-то облегчить ношу, иногда отомстить, но чаще – сделать все, чтобы исправить ситуацию. Все-таки лучшая пятерка факультета Земли была очень деятельной и активной. И просто грустить или страдать приятели не умели… По крайней мере, всей командой. Однако эта вроде бы со всех сторон положительная сторона их отношений приносила сто-о-лько неприятностей.

Вот и сейчас все отлично понимали то, что пронеслось в голове у Златко. И каждому из них захотелось уверить друга в том, что все будет хорошо и вместе они со всем справятся. Однако они промолчали – слова причинят только вред.

– Так, значит, можно ожидать камнепада? – Грым был очень практичным существом. А может, действительно в нем тоже начали проявляться черты дипломата. С кем поведешься, как говорится…

– А ты ничего не чувствуешь? – подхватил Калли. – Ты же у нас больше всех Земля. – Имелась в виду профилирующая стихия.

– Глупости. Мы все Земля, просто у меня нет дополнительной, – возразил тролль.

– Поэтому у тебя Земля должна быть более сильной, – отпарировал эльф.

– В любом случае камнепад или опасность его… можем почувствовать все мы, – немного пошел на попятную слегка польщенный Грым.

Все тут же попытались обратиться к любимой стихии. Гаргулья даже зачем-то нахмурилась. Однако никакие умственные или магические усилия результата не принесли.

– Ничего я не чувствую, – первой сдалась Ива.

– Я тоже, – согласилась Дэй.

– Ничего, – одновременно качнули головами парни.

– Интересно, это потому, что камнепада сейчас быть не может, – тут же задался вопросом Златко, – или же опасность существовала в те времени, когда эта статуя была сделана, а сейчас ее уже нет?

Чародеи уже в который раз оглядели скалы. Невинно те не выглядели. Более того, было что-то угрожающее во всем окружающем, а может, просто именно сейчас так показалось. Однако почему-то схожее ощущение возникло у каждого из кудесников.

– Что-то не кажется мне, будто бы опасности больше нет, – выразил общую мысль Грым.

– И ты забыл еще одну причину, – в своей неподражаемой невозмутимой манере говорить гадости произнес эльф. – Вполне возможно, что наших способностей и знаний для получения такой информации просто недостаточно.

– Вот, ушастый, ты что, особое удовольствие ловишь, когда портишь всем настроение? – выразил летающую в воздухе мысль тролль.

– Конечно, – усмехнулся тот, – я же эльф.

И, чуть сжав коленями бока лошади, двинулся вперед.

– Но делать все равно нечего, – бросил он через плечо, – поехали, что ли?

Все просто ошалели от такой наглости, однако Ива заговорила совсем о другом.

– Подожди, Калли! – позвала она. – Я вот думаю, а, может, все же стоит задобрить этого духа?

– Ты что – веришь в него? – подивилась гаргулья. – Ведь этой религии давно уже нет. Нет никого, кто верил бы в этих богов.

– Верю – не верю, – передернула плечами травница. – Я верю в духов Природы…

– Еще бы ты не верила, – рассмеялся Златко, намекая на происхождение подруги.

Та криво ухмыльнулась:

– Вот именно. А помните, что нам преподы говорили про духов, богов, религии всякие? Что по сути все – то бишь все религии и верования – очень похожи, только названия другие, да и атрибутика, ну ритуалы там всякие. И что большинство ныне существующих религий, – Ива сделала паузу и даже лобик наморщила, пытаясь вспомнить умную фразу, – так или иначе сводятся к почитанию природы в целом и в деталях… Мм… как-то так.

– Ну да, как-то так, – согласилась Дэй, тоже припомнив эту лекцию. – И что?

– Что-что, – передразнила подругу знахарка. – Духу все равно, как его величают, и все равно, кому пакостить, так что задобрить надо бы.

– Ты думаешь, у этого места есть свой дух? – очень серьезно спросил Златко.

Девушка пожала плечами.

– Они, – кивок на статую, – верили. Почему что-то должно было измениться?

Эта мысль как-то не приходила в голову всем остальным. И правда почему? Ведь, как правило, подобные верования были на чем-то основаны. А Ива тем временем продолжила:

– Духи земли, скал, леса, рек, озер… если уж есть, не умирают… – Она вновь сделала паузу, будто о чем-то задумавшись. – Пока есть земли, леса, реки, озера…

– М-да, логично, – кивнул эльф. – У меня туго с вашими верованиями. Это в нашем Светлом Лесу я знаю даже то, какой характер у того или иного дерева, но вполне допускаю, что и у этих скал есть свой покровитель…

– Своя душа, – тихо произнесла Дэй.

Это было сказано таким тоном, что всеобщее внимание тут же переключилось на гаргулью.

– А ты что скажешь, клыкастая? – спросил Грым. – Скалы же – это твоя родная стихия.

– Моя – воздух, – огрызнулась она. – Хотя… живем мы действительно на скалах. Но у нас, я думаю, та же ситуация, что и у Калли: у себя я знаю каждый камушек, каждый ветерок, и настроение гор ощущаю кожей. А тут… не чувствую ничего.

– Ничего ли? – очень напряженно уточнил Златко.

– Ну… – Дэй немного помялась. – Есть какое-то ощущение, да только не могу понять, что это такое… Может, вообще-то оно возникло оттого, что я себе весь зад натерла.

Ребята невесело улыбнулись.

– Но ощущение неприятное. По крайней мере, не положительное, так ведь? – подошел с другого боку Светлый.

– Наверное да. Наверное. – Медленно, анализируя свои ощущения, кивнула головой гаргулья.

– Вот и мне так кажется, – быстро с ней согласился, будто только и ждал, когда кто-нибудь это озвучит, Бэррин. – Вроде ничего… а какой-то дискомфорт. Ребята? – Обратился он к невысказавшимся.

– Не могу определить, – поделился Калли.

– Ушастый просто не в силах поверить, будто кто-то к нему, эльфу, может не относиться хорошо, – не преминул подколоть тролль.

Светлый же смерил наглеца типично эльфийским высокомерно-презрительным взглядом (который тот так же привычно проигнорировал) и обронил:

– В природе. – Очевидно, имелось в виду, что она не может к нему плохо относиться, в отличие от живых и условно разумных существ.

– Ива? – решил не заострять проблему Златко.

– У меня просто ощущение, что мы не должны пренебрегать вполне обычной процедурой задабривания хозяина. Конечно, это больше к лешим, полевикам, водяным и им подобным относится, но… – «Тем более что мы – вернее, предок Бэррина и его люди – уже раз принесли боль этой земле. Почему-то мне это видится именно так… Если этот ребенок и правда был божественным, то когда он умирал… земле было очень больно. Да и сомнительно, что шаман не чтил духов этой местности, на то он и шаман. Значит, и его смерть не доставила им удовольствия». – От нас не убудет. В этот раз у нас слишком серьезная цель, чтобы мы могли быть невнимательны к таким вещам. – Речь знахарки заметно впечатлила ее друзей.

– Ну и как ты это предлагаешь делать? – поинтересовалась Дэй. – Ну задабривать.

– Да как всегда, – почти недоуменно ответила Ива. – Оставить немного хлеба, горсть овса, что мы везем для лошадок. Ну и… мысленно настроиться на эту землю, пообещать прежде всего себе, что не принесем ей бед, поскольку пришли с миром. Да что я вам объясняю, сами разве не знаете? Тут надо, как с лешим. С ним же… вон даже Грым спорить дури не наберется!

– Да что я, совсем без мозгов? – тут же подтвердил тролль, не заметив, как друзья похихикивают. А может, он решил, что Ива имела в виду именно его силу. – Оно мне надо – потом блуждать по лесу, пока этому гаденышу не надоест? Лучше поклониться ему в ножки, добрым отношением заручиться, а потом уже и через лес двигать!

– Вот-вот, – поддакнула знахарка. – И тут такая же система. Только не из-за страха, а на совесть, и без «гаденыша».

– А дары куда будем класть? – уточнил педантичный эльф.

– Ну давайте прямо… под ноги этому духу, – немного поколебалась Ива.

– Ты про статую? – уточнил непочтительный Грым.

– Ага.

– Клыкастая, слезай с кобылки да разомни крылышки, а то скоро к седлу совсем прирастешь, – тут же распорядился тролль.

Ива, Калли и Златко, не удержавшись, хихикнули, а Дэй, хоть и привычно ощерилась, однако артачиться не стала. Скоренько поменяла ипостась, взяла лепешку из рук Златко, зачерпнула овса из запасов и поднялась в воздух. Оказаться на высоте, на которой находилась статуя, было делом пары секунд.

– Как же они там ее вырубили? – не удержался и вопросил в пустоту Синекрылый, имея в виду изваяние.

– Какая разница? – Пожала плечами травница. – Ты лучше настройся, а то дары мы принесли, а мира не попросили.

Бэррин тут же спохватился и прикрыл глаза. Почему-то ему казалось, что так будет легче общаться с духами земли. Ива была иного мнения. Ей, наоборот, всегда хотелось смотреть и смотреть на Землю, окрестную природу – леса, луга, реки и горы. Где бы юная чародейка ни оказывалась, красота пейзажей, тот особый дух, что всегда был у любого места в этом мире, ее неизменно восхищал. И ей хотелось – совершенно искренне и без всякой задней мысли – говорить восторженные слова, будто деревья, травы, ручьи и скалы могли ее понять. И ей казалось – понимали.

Поэтому и сейчас ей легче всего было настроиться на нужный лад. Беда же заключалась в другом: будто то, что стояло на страже этой земли, не хотело открываться. Не желало пускать в свое сердце юных чародеев. Стена отчуждения ощущалась, будто каменная кладка под рукой. Ива даже дернулась от этого чувства, однако оно тут же пропало. Травница осторожно попыталась пробиться к своему направлению – Природе. Но и та оставалась безмолвна. В том, что она не отзывалась, не было ничего особенного. Направление это было капризное. Однако на сей раз равнодушие стихии больно кольнуло Иву, зародив сомнения в успешности их миссии… и в ее правильности.

Травница упрямо сжала зубы. «Ну уж нет». Позвала еще раз. И еще. В третий раз девушка почувствовала какой-то отклик. Правда, больше это было похоже на посыл по далекому и всем известному адресу. «Но все же лучше, чем ничего?!»

А гаргулья тем временем уже махала крылами около странной статуи, внимательно рассматривая и пытаясь понять, что же сподвигло древних на создание такого образа. Ничего округлого и пухленького в окружающем пейзаже не было: вокруг только строгие четкие резкие линии – жесткость и даже некая агрессивность, а вот же…

«Прими от нас этот дар и нашу добрую волю. Что бы ни было в прошлом, сейчас мы пришли с миром». На миг у гаргульи возникло ощущение, будто она имеет дело с таким же упрямым существом, как и камень, из которого они оба были сделаны. Однако это ее не остановило и не испугало. Вот уж что-что, а трудностей и чужой воли Дэй не боялась.

Даже наоборот – это ее подзадоривало. И невольно она улыбнулась древней статуе. Просто потому, что вдруг захотелось это сделать.

Грым же приложил мощную ладонь к скале и с интересом наблюдал за парящей в высоте подругой. Глаза его немного сощурились, когда он попытался разобраться в ощущениях, что исходили от камня. Это другим кажется, что скалы и горы молчат. Он-то знает, что нет. Тому, кто умеет слушать и слышать, они многое могут рассказать. «Эх, коротышки из команды Деррика тут нет, – усмехнулся про себя тролль, вспомнив гнома из знакомой пятерки с факультета Огня. – Он бы наверняка намного больше бы понял. Они, гномы, того… хорошо с горами общаются». Но это все были мысли бесполезные: если бы да кабы. Грым ими никогда не увлекался. Едва додумав эту мысль, он тут же забыл ее, пытаясь настроиться на разговор с духом этой земли. Только, в отличие от Ивы, он всегда поступал по-другому: никогда не просил милости, не сиял восторгом, просто искренне верил в то, что двое нормальных парней всегда найдут общий язык без всех этих поклонов и подлизываний. Да и быть такого не может, чтобы камню тролль не понравился.

Калли же честно попытался выполнить то, что посоветовала Ива. Но у него как-то в голове не укладывалось, что его, Светлого эльфа, могло что-то не принять. Такое просто невозможно. По определению. Ладно еще люди… ну или прочие существа, но чтобы против него пошла природа?! Да нет, это просто глупо.

А вот Златко было хуже всех. Как ни убеждали его друзья, Синекрылый все равно не чувствовал, что их путешествие правильно. И еще… Его душило острое чувство вины. Умом юноша понимал, что не должен нести ответственности за содеянное его далеким предком, а вот сердцем… сердцем не получалось в это верить. Ведь он является Бэррином, пользуется и своим высоким положением, и привилегиями, которые оно дает, и уважением, что оно внушает, да и живет в фамильном замке… по крайней мере, считает именно его своим домом, не говоря уже о том, что на доходы с земель рода существует и он, и вся его семья. А все это было заложено тогда, и все это получено благодаря самым презираемым и страшным преступлениям. И коли он, Златко Бэррин, пользуется всем этим, так, значит, и расплату должен нести в полной мере, не так ли? Или все же не так? И правы друзья? Юное сердце Синекрылого раз за разом сжималось в отчаянии. Он прекрасно знал, что они, Бэррины, склонны к максимализму, даже некоторому фанатизму, а это не всегда хорошо. Но какой тут случай? Может, все эти доводы в пользу снятия проклятия всего лишь отчаянная жажда жить? Или же его истинная поганая натура понимает, что не

сможет быть всегда честной и незапятнанной?

Какая уж тут гармония с природой, а уж тем более – оказание почтения духам земли?!

Тут бы с собой разобраться… Нет, Златко честно старался. Получилось, правда, не очень.

Как бы там ни было, но через некоторое время друзья продолжили путь, и скоро скалы отступили, явив взорам молодых магов небольшую, престранной формы долину.

Однако прежде, чем попасть в нее, друзьям пришлось столкнуться со стражниками на заставе. Такую же башню-ворота они видели при подъезде к скалам, правда, без охраны.

Пропускная процедура не слишком отличалась от тех, с которыми приятели сталкивались при въезде в любой другой город. Разве что тут стражники откровенно скучали на своих постах.

– Что, прошли времена, когда вам приходилось применять алебарды по назначению, а не в качестве подпорок? – пошутил Грым в ответ на зевок одного из охранников. Тот только рукой махнул.

Ива давно заметила, что тролля, при всей его грубоватости, намного чаще принимали за своего парня, чем любого из них. Эта особенность не раз выручала их. «Вот что значит бывший наемник, – даже с некоторой завистью подумала травница. – Мне бы так». Мысли девушки побежали дальше. «А вот тот же Златко. Вроде аристократ в гоблин знает каком поколении (их особо никто не любит), а тоже умеет расположить к себе!»

А взгляд тем временем блуждал по открывшимся красотам. Долина и правда была привлекательна. Не так чтобы, увидев ее, восхищенно замереть и восторженно ахнуть, но все равно мило. Да и местное поселение: примостившиеся там маленькие разноцветные домики, очищенные от снега улочки, окруженные крохотными заборчиками палисадники, – все это придавало

свое очарование. Травница подняла глаза. Отсюда долина уже не казалась ей крохотной. При желании тут можно было построить город больше Стонхэрма. Благо, даже крепостных стен не требуется.

– Что-то мелковат городочек, – высказалась Дэй.

– А с чего ему быть большим? – пожал плечами Златко. – Никаких полезных ископаемых тут нет. Вернее, какие-то есть, но не особо ценные. Торговые пути проходят вдали. Крупных политических или религиозных центров вблизи тоже нет. Пастбища могут прокормить лишь ограниченное количество людей.

Все умно покивали в ответ на лекцию. Синекрылый очень любил просвещать других.

– Это только мне чудится здесь какое-то запустение? – поинтересовался Грым.

– Да ну… – не согласилась Ива. – Просто тихо и спокойно, да и, как сказал Златко, не с чего тут народу топтаться, вот и создается впечатление. После Стонхэрма-то.

– Ну может… – не очень уверенно протянул тролль после минутного размышления с почесываем затылка.

– По мне вполне милое местечко, – высказалась гаргулья. – Маленькое, конечно, но что-то в нем есть. Очарование какое-то.

– А мне вот тоже что-то печальное видится, – пропел своим чудесным голосом эльф.

Все удивленно посмотрели на него. Больше всех, кажется, поразился тролль. Они не часто соглашались с Калли.

– Златко? – повернулась к притихшему Бэррину гаргулья.

– У меня предвзятый взгляд, – буркнул он. – Все, связанное с этой историей, кажется мне грустным и печальным. – В его голосе сквозило раздражение. – В конце концов, это не так уж важно. Сейчас уже поздно, так что предлагаю найти

постоялый двор, устроиться там, отдохнуть и…

– Вкусно поесть, – перебил его Грым и довольно заухмылялся: – Я – за такой план.

– А кто против? – пробормотала Дэй. – Вроде не весь день в седле, а отдохнуть хочется.

– Интересно, у них можно рассчитывать на ванну? – подняла бровки Ива.

На небольшом – не более десяти комнат – постоялом дворе нашлись и свободные места, и теплые стойла для лошадей, и вкусная еда, и даже большие бадьи для купания. Так что друзья не отказали себе в столь невинных удовольствиях. Потом немного прошвырнулись по городку, поговорили с местными, но ничего особо замечательного, кроме еще пары странных, но явно очень древних каменных фигур, не увидели и не услышали.

Так что не пробило еще и полночи, а юные чародеи уже дрыхли в своих кроватках, нежно обнимая подушки. И грезились им сны разные. Всем приятные. Кроме одного.

Да, Златко был сейчас самым восприимчивым.

Стоило его разуму погрузиться в затягивающую мглу плаща Ночного Принца, так и начались неприятности.

Сначала Синекрылый долго блуждал по неизвестному затемненному коридору, каким-то образом вынырнул в пещере – не менее длинной и мрачной. Там были факелы, и тени, пляшущие в их свете, напоминали древних чудищ из старых сказок, что на ночь так любила рассказывать его нянюшка. Потом черные ежесекундно меняющиеся фигуры обрели голоса. Они плакали и стонали где-то над самым ухом, а когда какой-то из них переходил на визг или крик, Златко вздрагивал даже во сне. На плечи юноши давила какая-то тяжесть, и когда он в очередной раз обернулся, то увидел, что за спиной появились его призрачные крылья. Однако в этот раз они не распахнулись во всю ширь, как обычно, а безвольно поникли, волочась по неровному полу пещеры. Более того, Бэррину

казалось, будто не такие уж и они призрачные – по крайней мере, вес их чувствовался очень хорошо. Терпеть его можно было, но никакого удовольствия это не доставляло. И чем дальше юноша шел, тем сильнее хотелось избавиться от все увеличивающейся тяжести.

В какой-то момент парень не выдержал и, держась за стену, опустился на колени, а затем уселся на пятки. Отчаяние рвало душу. Хотелось в небо, к солнцу, тянуло к друзьям, к семье, чтобы как в детстве – ни проблем, ни сомнений, лишь радость и веселье.

И никак не мог Златко понять, что же такое с ним случилось. Кому он столько зла причинил, что сидит в этой бесконечной пещере, без еды, без воды, без какой-либо надежды, придавленный непосильной тяжестью, от которой не в силах избавиться… А может, все же можно от нее избавиться?

Парень резко повернул голову и прижал руку к плечу. Крылья всегда появлялись поверх одежды, если она была на нем, хотя Бэррин знал, что они есть и под одеждой, просто она им не мешает. А вот сейчас он, выворачивая шею, смотрел на гордость рода, и ему казалось, что при желании можно отцепить их как накладные или рюкзак.

Поначалу юноша даже обрадовался такому решению проблемы. Даже потянулся, чтобы осуществить задуманное, да так и застыл.

«Как же так – без крыльев-то?»

И стало еще более не по себе. Ведь отказаться от них – все равно что отречься от рода, от гордости предков, от себя самого. Разве можно так? Неужели Бэррины сдаются из-за трудностей? Тогда не лучше ли умереть, чем сломаться?

«Так ли?» Юноша закрыл глаза, потом еще для верности прижал к ним ладони. Да что же это с ним происходит?!

Неизвестно, сколько он так провел времени, однако в какой-то момент знаменитое упрямство Бэрринов пересилило.

«Гоблина вам лысого, – ругнулся он про себя. – Даже если помру, даже пусть так, а вот гоблина – не сдамся, не сломаете, уроды».

И парень поднялся на ноги и расправил плечи. Тяжесть крыльев все еще давила. Но уже как-то иначе. Будто то, что Златко с ней смирился, сделало ее не столь невыносимой.

И в этот момент земля под юношей разверзлась, и он начал куда-то падать, кружась, как в воронке торнадо, на бешеной скорости. Бэррин попытался расправить крылья, но тут оказалось, что их и след простыл. От страха и неожиданности закричал, однако звуков, кроме какого-то свиста, он не услышал. И понять, что творилось вокруг, было совершенно невозможно. Он падал так стремительно, что все просто сливалось перед глазами. Какое-то бесконечное переплетение серо-бурых цветов с резкими вспышками бордово-красного.

А еще – было холодно. Причем становилось все холоднее и холоднее. «Боги всемилостивые!» – подумалось юноше, и он всем своим существом рванулся вверх. Ведь быть так не может, чтобы его великолепные обожаемые синие крылья не пришли на помощь!

Златко вскрикнул от напряжения, отчаяния и боли и… проснулся. Подскочил на кровати, перепугав соседей по комнате.

– Что случилось, Синекрылый? – зло бросил тролль. О, он очень не любил, когда его будили в неурочный час.

– Кошмары, – тоже не стал любезничать в ответ Бэррин.

– А-а… – Грым снова лег, отвернулся от причины своей побудки и через миг захрапел.

Калли взволнованно блеснул синими очами, но ничего не сказал. Поколебавшись немного, последовал примеру тролля, особенно когда Златко улегся, чуть ли не с головой укрывшись одеялом.

И только стоило Синекрылому уснуть – а много времени на это не ушло, так кошмары возобновились. В этот раз Златко оказался уже в знакомой пещере,

только теперь она плавно переходила в большой зал. Камень ее сводов явно был не обработан, а в центре находилось небольшое озеро, так что, скорее всего, это своеобразное помещение было создано самой природой. У воды находился уже знакомый высокий худощавый мужчина в балахоне из замши с бахромой. Он стоял боком, и было видно и серьгу в ухе, и кривоватый тонкий, очень характерный нос. Он его совершенно не портил, но в сочетании с многочисленными морщинами выглядел жутковато.

Шаман молча смотрел в воду. Златко нисколько не сомневался, что в ней видно каждый камушек, а, скорее всего, много больше – прошлое, настоящее, будущее.

– Явился? – разрезал прохладную тишину его резкий голос.

Златко перевел взгляд на лицо мужчины. Он не сменил позы, так что прочесть что-либо на его лице, заглянуть в глаза, было невозможно.

– Да, – ответил юноша, когда молчание стало просто невыносимым.

И тут Эзгио усмехнулся.

– Что – пришел замаливать грехи своих предков, а, Бэррин? – Шаман наконец повернулся, и Синекрылый еле удержался, чтобы не отшатнуться, столько злорадства и гнева было написано на его лице.

Внутри все просто заледенело. Юноша понимал, что вся эта и так полубезумная миссия фактически обречена на провал. Переубедить Эзгио не удастся.

«С другой стороны, просто повернуть я тоже не имею права».

– Типа того, – выдавил он из себя.

Сухие губы дернулись. От глаз шамана не укрылось все: и волнение паренька, и его обреченная подавленность, и то, с каким трудом он выдавливал из себя слова. И это невероятно забавляло Эзгио. Лениво он размышлял о том, как же легко из вот таких, немного неуверенных, но в принципе неплохих пареньков вырастают страшные монстры, которые так легко прикрываются высокими

материями ради достижения каких-то не менее высоких и часто ненужных целей. А еще шаман знал – есть вещи, которые не простить. Никогда и никому. Ведь миф о всепрощении придуман для тех, кто слаб. Не только потому, что они не могут отстоять свою правоту. Скорее, чтобы они не стали сильными. Способный простить мягок, а такими легко управлять. И Эзгио это отлично знал. И ненавидел тех, кто так жаждал превратить людей в подобное пресмыкающееся, готовое оправдать свою слабость псевдодобротой и пседопрощением. А еще он точно знал, что груз вечной памяти может нести только сильный. И это отзывалось горьким удовлетворением в его сердце.

«Только бы они не догадались…»

Златко вскинул голову и уперся взглядом в мужчину. Он что, действительно услышал его мысли? Тот же только усмехнулся:

– Ну что ж – начинай просить, очень хочется поглядеть на твое унижение. Люблю, когда Бэррины унижаются. Так приятно видеть, как вы сбрасываете спесь.

В душе Синекрылого начала подниматься волна гнева. Руки аж задрожали. Юноша, пытаясь справиться с собой, сжал их в кулаки. «Он просто издевается. Нарочно говорит все эти гадости. Чтобы больнее было. Надо просто это пережить. Стиснуть зубы и проглотить как лекарство».

– Я не хочу унижаться, да и спеси пока не так уж много, чтобы было больно сбрасывать. Может, все же скажешь – что тебе надо?

– А я уже говорил тебе – чтобы вы всегда умирали очень и очень рано. Мне это так нравится. Даже себе представить не можешь как.

Брови Златко сами собой нахмурились, юноша боролся с собой, пытаясь не взорваться, не броситься на противника.

– Не нравится, да, Златко Бэррин по прозвищу Синекрылый? – хохотнул тем временем Эзгио, заметив состояние юноши, вполне ожидаемое и специально вызываемое. – Утешайся тем, что вам хоть немного дают пожить. Знаешь, вообще говорят, что детство и молодость – лучшее время, а как раз они у вас и есть, так что можно сказать, что я щедр. Твой предок и твой Король такими не

были.

Парень сноровисто вскинул голову, услышав имя своего сюзерена.

– Ну ты посмотри! – Шаман явно забавлялся. – Ты еще до сих пор веришь, будто бы стоит верой и правдой служить своему Королю? Ты еще не понял, что он представляет из себя?

– Не смей!.. – рявкнул Златко, наплевав на все намерения терпеть и молчать. Впрочем, его тут же прервали.

– Что не сметь? Не сметь говорить правду? – словно клыки на миг скользнули в нечеловеческой ухмылке. – Неужели ты думаешь, что тот, кто убивает детей, имеет право хоть на какое-то уважение?

– Ты был его противник! Враг! И ты был опасен! – вновь сорвался Синекрылый. – Врагов никто не жалеет!

– Даже если они дети? – вкрадчиво поинтересовался мужчина.

– В истории и не такое было!

– А зачем тогда лицемерить и прикрываться всеми этими заявленными идеалами? Зачем столько пафоса, а, Бэррин? Твой Король через твоего предка получил от меня все, все, что было: власть, сотрудничество, моих людей, мою жизнь, в конце концов! Разве этого было мало? Нет, ему чем-то помешал ребенок! Как ты это объяснишь, Бэррин?!

Юноша отчаянно замотал головой:

– У него не было другого выбора! Так получилось! Та-а… – Он хотел продолжить, но его вновь прервали.

– Вот и у тебя не будет другого выбора. Извини, так уж получилось.

И в этом голосе, в этих глазах было столько злобного удовлетворения, что выдержать все это Златко был не в силах. Меч сам появился в руке, и парень

бросился на обидчика.

Пещера огласилась хохотом.

Щелчок пальцев – и Синекрылый летит в знакомую бесконечную бездну. Только теперь что-то постоянно его задевает. Рвет одежду, царапает кожу, дергает за волосы. Меч давно выдернут из руки, а легкие хоть и неприятные, но терпимые прикосновения превратились в удары. И крыльев не развернуть…

И не остановить этого падения. И можно только кричать. Кричать и кричать. От боли, от отчаяния, от невозможности что-то изменить.

На глазах слезы, а душу рвет на клочки осознание того, что наказание справедливо.

Только боль от этого не уменьшается.

Златко очнулся от пощечины. Реальная боль обожгла и вырвала из цепких объятий кошмара.

Бэррин резко сел и попытался понять, что с ним, кто он и кто это рядом. Спустя пару минут ему это удалось. По крайней мере, взволнованные синие очи Калли он опознал совершенно точно.

– Гоблин твою мать, Синекрылый, ты чего поспать добрым троллям не даешь?! – А вот и Грым. Да, Грыма лучше не будить, если рядом нет еды или врагов.

– Кошмар, – выдавил из себя Бэррин. Глупо, конечно, но умные мысли в голове упорно не появлялись.

– Только не говори, что нам еще одна змеюка попалась, – фыркнул тролль, намекая на гюрзу-илу, с которой им пришлось столкнуться на постоялом дворе не так давно. Она как раз и баловалась тем, что насылала на юных магов кошмары.

– Не, – мотнул головой Златко. – Точно не она. И не ей подобная даже.

– Гоблин, ну тогда возьми у Ивы успокоительное и дай поспать! – совсем уж раздраженно, явно с трудом сдерживаясь от более грубых выражений, высказался Грым и вновь завалился на подушку.

Синекрылый был настолько измотан кошмаром, что у него даже не было сил на ответное возмущение или стыд. Так что парень лишь пялился некоторое время в широкую спину тролля, а потом перевел взгляд на молчаливого эльфа.

Тот легонько коснулся плеча друга и шепнул – или, скорее, тихо произнес:

– Может, правда, сходишь к Иве?

Признаться, Златко именно этого и хотелось. Знахарка хоть и поворчит, но намешает каких-нибудь трав, и будет ему крепкий и здоровый – или не очень – сон. Однако он тут же представил, как это будет выглядеть. Он, Златко Бэррин по прозвищу Синекрылый, дворянин гоблин знает в каком поколении, маг, воин и мужчина, будит подругу в три часа ночи с просьбой накапать ему успокоительное. Бр-р!..

– Да я лучше потерплю немного.

Калли, несомненно, все понял, но произнес не слова утешения или убеждения, а совсем другое:

– Смотри, разбудишь еще раз Грыма, он же не помилует, прибьет, лишь бы спать не мешал.

Оба парня, не сговариваясь, посмотрели на уже храпящего приятеля. Вздохнули, словно смиряясь с неизбежным. Говорят, что родственников нам даруют боги, но друзей мы, слава тем же богам, вольны выбирать сами. Однако иногда и Златко, и Калли казалось, что друзья тоже достаются им как угодно, но не по собственному осознанному выбору. По крайней мере, собственный выбор порой та-ак удивлял.

– А ты не сможешь… успокоить? – спустя некоторое время спросил Синекрылый.

Светлый задумался. Хоть он и принадлежал к направлению Жизнь, а все равно врачевание для него не было особо любимым занятием.

– Зелье мне надо готовить. А это точно до утра. Готовое еще тогда, на постоялом дворе, все на вас перевел, а новым не озаботился. А так, магией, Златко, я не уверен, что смогу. Не получается у меня пока на психику воздействовать.

– А как же тогда с Ивой? Ну когда мы гюрзу-илу упустили, Иву же пришлось именно твоей магией спасать.

– Ну ты сравнил. Там было совсем другое дело. Там к ней в душу рванулись темные силы, а бороться с ними… ну и с нежитью – это мое прямое предназначение. Как мага Жизни и как Светлого эльфа. Я с ними воевал, к лучшему в ее душе, любви к жизни и свету взывал, а успокаивало ее в основном зелье.

– И массажик, – хихикнул Синекрылый, уже немного пришедший в себя.

– Ну и это, – лукаво улыбнулся Калли. – Но ведь неплохо получилось?

Златко честно кивнул – да, мол, неплохо.

– А что же тогда делать? – вернулся он к своей проблеме.

Эльф тоже задумался, потом просиял:

– Слушай, а у нас же бутылочка того жуткого пойла, что Грым зовет выпивкой, осталась!

– Не у нас, а у Грыма, – хмыкнул Синекрылый. Светлый неподражаем – эстет и гурман!

– Он не будет против! – легкомысленно махнул лапкой Калли и отправился рыться в вещах тролля.

Златко не был в этом так уверен, но успокоиться и желательно забыть эту ночь хотелось больше, чем избежать ругани с Грымом из-за его бесценной дряни.

– Стаканов нет, – сообщил приятель, подходя к постели Синекрылого. – Так что будем из горла.

– Калли! – искренно засмеялся Бэррин. Не очень громко, но все же… – Вот ей-богу, ты меня восхищаешь все больше и больше!

Тот и сам улыбался во весь рот. Даже остренькое ушко чуть подергивалось от смеха.

– Поражаюсь я вашему, людскому, восприятию. Неужели тебя восхищает именно го, что я буду пить с тобой из одной бутылки и именно из горла? – В синих очах смешинки даже не прыгали, а кувыркались и плясали.

«А также то, что ты сидишь тут со мной, успокаиваешь и готов пить даже эту гадость, хм… действительно из горла – ведь это для тебя, гурмана такого и эстета, сущее наказание – лишь бы мне стало получше».

– Ага, именно это, – веселым тоном подтвердил он. – Смотри, Калли, вот проведешь еще пару лет в нашем обществе – будешь ругаться, как тролль, лезть в драку, как гаргулья, и забывать этикет, как Ива!

– Звезды упасите! – почти искренне ужаснулся эльф, вытаскивая пробку из бутылки.

– И за это стоит выпить! – не удержался от комментария Синекрылый.

– Точно! Стоит! – Светлый отважным жестом поднес бутылку к губам, запрокинул голову и сделал первый длинный глоток. Потом судорожно вернулся в исходное положение и протянул выпивку приятелю. При этом он очень старался не морщиться, но получалось неубедительно.

Картинка невероятно позабавила Златко, так что он немного похихикал и так же бесстрашно приник к стеклянному горлышку. Вкус у этой дряни оказался на редкость отвратительным, а крепость – аж слезу выбивало. Парень закашлялся и передал бутылку эльфу. Тот, посмеиваясь, похлопал друга по спине.

– Забористая, да?

– Надо в следующий раз озаботиться чем-нибудь более приличным, – поделился запоздавшей светлой мыслью Златко, с трудом пришедший в себя.

– И не говори, – совершенно искренне согласился эльф и сделал второй глоток.

После энного количества таких глотков пойло уже перестало казаться отвратительным, ситуация безнадежной, а жизнь дерьмовой.

Правда, через пару часов проснулся тролль. И как ему не проснуться, если над его ухом орут частушки два перепившихся горлопана, опорожняя при этом именно его заветную бутылочку.

Грым очень разозлился – и что разбудили, и что любимый самогон оприходовали, но долго гневаться на этих существ было трудно, такими смешными они казались. Так что тролль махнул лапой, отобрал бутылку, одним махом допил то, что там оставалось – почти четверть! – и присоединил свой голос к какой-то очередной, не слишком приличной частушке.

А утром девушки, держась за животы, умирали со смеху, выслушивая историю о ночной попойке. Заодно они поругали похмельных и оттого жутко недовольных парней, что те не позвали их на пьянку.

– Ива, ну где ты такой стервозности набралась?! – ворчал Златко. – Да дай же уже что-нибудь от головы! Раскалывается же!

Гаргулья залилась смехом, такой смешной и несчастной казалась физиономия дорогого друга.

Знахарка тоже хихикнула, но сжалилась – она вообще была доброй девушкой.

– Да делаю, Златко, делаю. – Для убедительности травница даже показала каких-то два пузырька, жидкость из которых смешивала. – Если бы Грым выбирал в качестве любимых напитков что-нибудь попроще, то уже было бы готово.

– Гоблин вам! – рыкнул тролль. Даже ему было не очень. Дело, как и следовало ожидать, одной бутылкой не ограничилось. Ночью они спустились в трактир, там вытребовали у сонных хозяев еще выпивки и продолжили праздник души и глотки. А поскольку крепче того, что бережно вез в своих вещах тролль, не было и быть не могло, то становилось ясно, отчего парням было так муторно. – Мало того что эти обалдуи выхлебали мою заначку, так вы еще издеваетесь! Клыкастая! – рявкнул он на зашедшуюся в новом приступе смеха гаргулью. – Если ты щас не заткнешься, шею сверну!

Разумеется, столь проникновенный тон Дэй не впечатлил, она захохотала пуще прежнего. Правда, тут же ей пришлось уворачиваться и взлетать под потолок, где тролль не мог ее достать.

Грым тоже прыгать в таком состоянии не стал.

– Дэй, не доставай его, – попросила Ива. – Мне же этого, гм… раздолбая лечить. Держи, Златко, свою отраву. – Девушка протянула приятелю стакан странной розоватой жидкости.

– А нам?!! – взревели тролль и эльф. Обе чародейки не выдержали и вновь зашлись в хохоте.

– Что, Калли, и тебя проняло Грымово пойло? – смилостивилась травница, наливая остальным горе-пьянчугам их порции опохмелина.

Светлый скривился. Ему и так с трудом удавалось сохранять на лице невозмутимую мину. Да и выходило это не очень. Выражение милой – даже в таком состоянии – мордочки получалось самое мученическое.

– А ты вредная, Ива, – выдал резюме допивший свой стакан Златко.

– Я?! – невероятно изумилась та.

– Ага, – не постыдился Бэррин. – Разве можно так над нами, похмельными душами, шутить?

– А это за то, что вы нас на праздник жизни не позвали, – показала язык знахарка.

– А что, вы нормально бы отнеслись к побудке в три часа ночи по такому поводу? – искренне заинтересовался Синекрылый.

Ива честно представила себе подобную ситуацию: все, что сказала бы гаргулья о дорогих друзьях, да и свою реакцию…

– Ну по крайней мере, можно было бы попытаться.

– Да как-то жить хочется.

– Кстати, а с чего это вы устроили эту импровизированную пьянку? – вдруг серьезно спросила уже спустившаяся на пол гаргулья. Грым, получив вожделенное зелье, успокоился.

Знахарка, поглаживая прыгнувшего ей на руки Щапу, так же безошибочно посмотрела на Златко.

– Ну-у-у… – попробовал отвертеться тот, однако совместными усилиями удалось-таки вытрясти из него всю правду.

Травница обругала друга за излишнюю деликатность, а Дэй задалась вопросом: насколько реально то, что Бэррин видел.

– Мне кажется, что это просто подсознание, – поделился мыслью Калли.

– Думаешь? – скептически оглядела Синекрылого Дэй. Тому даже стало неуютно под этими двумя изучающими взглядами. – Ну не знаю, не знаю. Если где-то тут этот Эзгио и зарыт, то вполне возможно, что долина подчинена его духу.

– Для шаманов вообще характерно… не уходить полностью, – поделилась знанием Ива.

– О да, – тут же поддержал ее заметно повеселевший тролль. – Шаманы – это такая, гоблин, зараза! Ничем не изведешь! Ненавижу этих хмырей! Нет чтобы

как у порядочных троллей – или ты жив, или ты мертв! Так и хочется сказать: «Дяденька, вы уж определитесь!»

Компания живо представила себе реакцию высокомерного Эзгио на такое заявление и, несмотря на всю серьезность ситуации, долго еще держалась за животы в приступах смеха.

– Ну а если серьезно… – попыталась выговорить Дэй, но отчего-то эта фраза вызвала еще больший смех, так что высоконаучной дискуссии не получилось. Да и слава богам, а то неизвестно, что парни с похмелья нафантазировали бы.

Не прошло и часа, как и кони были опять оседланы и нагружены тем «скудным» походным скарбом, что собрала в дорогу Всеслава Бэррин. Лучшая же пятерка Земли, перешучиваясь, примерялась к стременам. Еще пара минут – и небольшая кавалькада выехала из ворот постоялого двора, а вслед им смотрели странные глаза хозяина. Его тяжелая рука теребила слишком длинное и массивное ухо. Но друзья этого уже не видели. Они, как свойственно всем молодым, смотрели лишь вперед да с любопытством – по сторонам. Лишь эльф почувствовал что-то, обернулся, но даже его острый глаз не заметил ничего странного. А может, мозг с похмелья не проанализировал увиденного.

– Ну и куда нам дальше? – Тролль уже жаждал действий.

– Туда, – махнул рукой куда-то вперед и вправо Златко.

– И откуда ты все знаешь? – пробурчал Грым. – Ведь не был тут никогда.

– А, – пожал плечами Синекрылый, – Адриан мастер описаний, особенно вот таких, дорожных. Как-то так у него все складно и ясно в записях, что даже задумываться не приходится.

– А если за столько веков что-нибудь да изменилось? – Дэй не была бы собой, если бы не проявила дух противоречия.

– А много ты знаешь городов, в которых часто перестраивается центр? – резонно возразил Бэррин.

Гаргулья, мысленно, была вынуждена признать, что не так уж много, но вслух согласиться просто не могла.

– Ну мало ли… может, пожар или еще какое бедствие?

– Значит, будем радоваться, что ничего такого не случилось, – чуточку раздраженно парировал Златко.

– Ой, посмотрите, что это там! – очень вовремя воскликнула Ива и указала пальчиком вперед.

– Да еще одна из этих странных статуй. – Калли с непередаваемой эльфийской смесью небрежности, высокомерия и вежливости повел плечиками, а знахарка в который раз поразилась, с каким изяществом это у него выходит. Вот уж точно – эльф в каждом движении.

Друзья подъехали поближе и, огибая, не отказали себе в любопытстве оглядеть странное изваяние получше. Силуэт был уже знакомый – маленький, пузатый, какой-то то ли сгорбленный, то ли скрюченный.

– А это не тот же дух, что мы видели по дороге сюда? – первая озвучила общую мысль Дэй.

– Возможно, – задумчиво ответил ей Златко.

– Но что он тут делает? – словно возмутилась гаргулья. – Тут же ни камнепадов, ни горных перевалов!

– И что? – фыркнул тролль. – Ты оглянись, скалы вокруг. Это же явно дух этих мест, может, не конкретно тех булыжников, на которых ты стоишь, но в общем!

Остальные промычали что-то неопределенно-согласное. И каждый мысленно еще раз обратился к неведомому и, возможно, несуществующему духу с той же просьбой – не губить, если уж не намерен содействовать. И вновь ответ им не понравился.

Когда же юные чародеи уже вновь сомкнули строй, обогнув идола, и почти выехали с крохотной площади, под копыта их лошадей вдруг выскочил какой-то странный человечек. Маленький, с огромной круглой головой, на коротких ножках и в очень грязной, даже местами порванной одежде. Молодые маги чуть не выпали из своих седел, пока не поняли, что это просто лилипут. Такие часто выступали в Стонхэрме в составе бродячих цирковых трупп.

Человечек начал кувыркаться, кататься колесом, смешно подпрыгивать, звеня невесть где спрятанными бубенчиками. При этом он почти беспрерывно очень громко и хрипло хохотал.

– Дай монетку, добрый господин! – подскочил к лошади Златко лилипут, безошибочно опознав в нем самого знатного и жалостливого.

– С чего это мы тебе платить должны? – хмыкнул начисто лишенный сострадания – по крайней мере, в отношении попрошаек – Грым.

– А я тебе будущее скажу! – закривлялся тот, цепляясь за ноги жеребца Синекрылого. Конь сильно занервничал, попытался сдать назад и высвободиться. Он фыркал и вообще всячески выражал свое недовольство. Конь у Златко вообще был дурноватый, хоть, нельзя не признать, сильный, быстрый и красивый.

Ива невольно уставилась на странное существо, которое так обеспокоило скакуна Бэррина, поэтому поначалу не заметила, как ее Лоренцо сдал чуть назад и даже всхрапнул, что за ним редко водилось. Машинально девушка потрепала своего высокомерного вредину по шее. Тот это не любил, считая травницу не самой достойной хозяйкой для своей высокородной персоны, однако в этот раз не стал мотать головой, пытаясь сбросить руку. Иву это так поразило, что она даже посмотрела на жеребца. Однако морду увидеть, сидя на спине лошади, трудновато, так что действие было изначально обречено. Но когда знахарка подняла голову, чтобы вновь поглядеть на лилипута, ее аж кольнуло от неприятного ощущения. Маленький человечек смотрел прямо на нее, и его глаза были полны злобы и ярости, будто он с трудом сдерживался от того, чтобы не передушить своими руками всех, перед ним стоящих, включая лошадей. По спине чародейки аж холодок от ужаса пополз, столь сильна была эта ненависть. А еще было ощущение, что что-то подобное она уже испытывала.

Но тотчас Ива с облегчением поняла, что ей все это привиделось: лилипут продолжал кривляться, убеждая Златко дать ему монетку. Травница даже передернула плечами, сбрасывая наваждение. Еще не хватало паранойю подхватить от дорогих друзей.

Рожицы, что строил человечек, были такие забавные, что настроение у путников – ну, может, кроме Ивы – невольно поднялось. Так что Синекрылый вытащил серебряную монетку – более чем щедрый дар уличному клоуну – и кинул ее лилипуту. Тот на лету поймал ее и тут же колесом откатился в сторону, захохотал все тем же совершенно неподходящим его росту и внешности, даже чуть жутковатым голосом. Затем вдруг произнес еще более низким басом:

– Ты за болью идешь. И боль за собой ведешь. Смерть в начале твоего пути, а впереди – неизвестность. И прощения тебе не будет. – Человечек сделал круглые глаза, склонил голову набок. Его голос вновь изменился. Он засмеялся, вновь прокатился пару раз колесом и, пока маги приходили в себя, закричал уже с другой стороны площади: – И золото у тебя кровавое, Бэррин!!!

– Ах ты!!! – рванулся ему вслед Грым.

– Оставь! – произнес побледневший Златко. – Пусть катится.

– Да щас ему!.. – Тролль рвался надрать уши тому, кто позволял себе так шутить над его друзьями.

– И правда, Грым, – чуть ли не зевнул Калли, – ну его, мы же умные детки, мы же не верим всяким там прохвостам.

Синекрылый обернулся к эльфу.

– А как ты объяснишь такое совпадение – боль, прощение, кровь… в его словах.

– Ой, Златко, не смеши меня, я тебе таких пророчеств могу с сотню выдать. Вон Ива, уверен, тоже… – На дивном лице Светлого читалось даже легкое снисхождение вкупе с огромным пониманием. – У тебя на физиономии написано, что не все хорошо. Ты из благородной семьи, а все знают, что в любом уважающем себя дворянском клане есть свои скелеты в шкафу и пятна на

репутации. Вот тебе и боль, и кровь и прощение.

– Подтверждаю, – умно кивнула знахарка. – Лично сталкивалась с ситуациями, когда на дороге к больнице стояли такие вот типы, косящие под блаженных или пророков…

– Что порой одно и то же, – заржал уже забывший о лилипуте Грым.

– Угу. Прикидывающиеся таковыми мерзавцы часто стоят на дорогах к больницам, подходят к людям. Ведь всегда видно, что человек идет проведать страдающего родственника или друга. И говорят, так, мол, и так: больной совсем тяжел, умирает, и если только он, этот самый человек, не позолотит ручку или не сделает вот это, это и это…

– Вот гады! – не удержалась Дэй.

– Вот-вот… – вздохнула Ива. – Люди ведь очень суеверные существа, когда дело касается жизни и здоровья любимых. Да и как тут не быть суеверным – тяжело же это все. Ладно, если сам болеешь, но когда кто-то из любимых… Да тут все отдашь…

– Вешать таких уродов! – поддержал Грым. Даже его проняло. – Я-то ладно, я еще бы морду набил этому златолюбивому «пророку», но всякие там бабы…

– Родители, дети… – продолжил Златко.

– Теперь понимаете, к чему я веду, – продолжила травница. – Таким людям плевать на все. У них ни сердца, ни совести… Они ни богов, ни демонов не боятся. А наговорить ужасов – это раз плюнуть. Тут и знать особо много не надо. Неси всякую общую гоблиню, авось сойдет. Главное – на таких как Грым не нарваться, но их за версту обычно видно. Да и… даже их порой страх за близких берет. А говорю я это к чему – пошел он к гоблину, этот урод, за его слова он перед своими богами ответит, а наше путешествие и его результат только от нас зависят…

– И, знаешь, что я еще подумал, – будто подхватил мысль магички Калли, – если предположить, что тебе не просто так эти сны ужасные снились и этот карлик

тоже не случайность, то, значит, нас кто-то хочет отвадить от дальнейшего путешествия. Или заставить пасть духом, заранее поверив в свое поражение, а это, как ни парадоксально, говорит об одном: у нас очень неплохие шансы, что все обернется в нашу пользу. Понимаешь, о чем я говорю?

– То есть… этот кто-то боится нас, вот и хочет заранее ослабить? – словно пытаясь вслух разобраться в хитросплетениях эльфийской мысли, произнес тролль. – Ну ты, ушастый, голова-а-а!

Светлый польщенно кивнул, принимая похвалу, а Ива невесть отчего умилилась.

– Что-то совсем меня запутали, – мотнул головой Златко и улыбнулся. Было видно, что он все отлично понял. – Ну да ладно, хватит прохлаждаться. Двинули уже.

И они двинули. Вернее, тронули коней, оставив позади городок со странными статуями и не менее удивительными жителями.

Ива ругнулась, ойкнула и, высунувшись из-за огромного валуна, отправила в бой «ледяной вихрь».

– Гоблин, они приближаются! – спрятавшись вновь за укрытие, возвестила чародейка, стараясь перекричать шум, сопровождающий практически любую драку с применением боевой магии.

– Так их всех через этак! – выразила свое мнение Дэй. – Да откуда они такие взялись?!

Вопрос был актуальный, но ответа на него сейчас никто искать не собирался.

Эти существа походили на созданных вампиров – клыки, синеватая кожа, средненькие магические способности. От рожденных вампиров они отличались скоростью передвижения – двигались эти твари лишь чуть быстрее обычных людей. Но как бы там ни было, а юные чародеи нарвались на оных, стоило им въехать в небольшую «дочернюю» долину. Тут никто не жил, даже построек никаких не было. Это понятно: ни полезных ископаемых тут не было, ни

плодородной почвы, только голые камни да гуляющие повсюду ветра. Оказалось, что менее разумным формам жизни – или не-жизни[2 - Нежить, в том числе и высшую, называют по-разному, как не-живыми, так и не-мертвыми Различие делают только сами ее представители, вернее, те из них, кто в состоянии об этом задумываться. Для большинства же обычных людей, в том числе и магов, эти термины равносильны.] – это место приглянулось куда больше.

– Расслабились, гоблина нам в зад! – выразил свое мнение Грым, отправляя в сторону противников с десяток «каменных кулаков», опрокидывающих недостаточно проворных навзничь, а порой сносивших их на несколько шагов.

Кстати, именно тролль первым и заметил эту живность. Одно из существ ползло по почти отвесной стене и явно жаждало прыгнуть ему на спину. Неизвестно каким образом – каким-то особым чутьем или просто тролль услышал движение, – но бывший наемник сумел не только пригнуться, пока монстр был в полете, но и перерубить его своим полуторником надвое.

Эльф, перед которым эти две половинки и упали, обрызгав кровью, побледнел, однако это не помешало ему, выкинув руку вперед, выпустить вперед несколько «ледяных стрел». Враги обнаружились именно там. Их было около трех десятков. Особой проворностью они не отличались, однако слабенькую защиту от магии держали и, даже придавленные булыжником в Ивин обхват – гаргулья с перепугу устроила маленький (и хорошо, что маленький, в горах это слишком опасно) камнепад, – продолжали жить и пытаться выбраться, что говорило об их недюжинном здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Простейшее заклинание магии Земли.

2

Нежить, в том числе и высшую, называют по-разному, как не-живыми, так и не-мертвыми Различие делают только сами ее представители, вернее, те из них, кто в состоянии об этом задумываться. Для большинства же обычных людей, в том числе и магов, эти термины равносильны.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shumskaya_elizaveta/charodei-na-praktike

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить